

Золотая пуля

Автор:

[Шимун Врочек](#)

Золотая пуля

Шимун Врочек

Юрий Александрович Некрасов

Сломанный миф

После атомной войны Америка превратилась в темную мистическую версию Дикого Запада. Миром правят револьвер, жестокость и магия. Смерть – слишком важное дело, чтобы доверять его взрослым. Однорукий стрелок и двое детей – мальчик Джек и девочка Бетти – идут разными путями, сквозь годы и расстояния, к единой цели – ржавой атомной бомбе посреди высохшего соляного озера. Они хотят одного – воздаяния и мести. Но что они получают взамен?..

Шимун Врочек

Золотая пуля

© Ш. Врочек, Ю. Некрасов, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

I. Ровно в полночь

– Впусти меня! – кричало за окном чудовище. – Я хочу съесть твою ногу!

Роб Стуммфилд скатился со стула, на котором дремал, изнуренный алкоголем, и открыл глаза. В первый момент он даже не сообразил, где находится – желтый свет керосиновой лампы вырезал из темноты стол, грязные тарелки, сковороду с остатками тушеных бобов и косматую голову Шустера Грейпа. Мертвый убийца смотрел с издевательским прищуром. Роба передернуло. Теперь он вспомнил. Перевал Горбатого Дьявола, сегодня одиннадцатое июля, а Шустер стоит две тысячи долларов. На одного неплохо, на двоих в обрез, а Бетти снова больна. Роб с трудом выпрямился, занемевшие мышцы тянулись, как сыромятные ремни.

За стенами дома шумел дождь.

Роб слышал, как падают капли в пластиковое ведро, которое Медведь поставил себе на грудь. Крыша над кроватью протекала, а Медведь был непривередлив. Судя по плеску, в ведре набралось уже порядочно...

За окном чудовище билось и кричало тонким голоском.

– Впусти меня! Пожалуйста! Я хочу... – Продолжение фразы утонуло в грохоте и обиженном рёве. Ведро опрокинулось.

Пока Медведь бушевал и отряхивался, Роб взял винтовку и пошел к двери.

На крыльце стояла девушка в насквозь мокрым зеленом пончо.

– Помогите! – закричала она, как только дверь открылась. – Моя лошадь сломала ногу! Помогите!

Роб молча оглядел гостью. Струи дождя стекали по ее волосам и лицу. Роб опустил винтовку.

– Входите, – сказал он.

Она была красоткой – с той долей неуклюжести, что отличает девушек-подростков, недавно перешагнувших порог женственности. Пока она вытирала волосы, мокрая рубашка облепила крупную грудь. Медведь за спиной Роба

присвистнул. От него несло мокрой псиной и похотью.

Роб сказал сквозь зубы:

– Глаза не сломай.

– Я что? Я ничего. – Медведь шумно зевнул. Роб поморщился. – Не очень-то и хотелось, – добавил Медведь.

Почему-то Роб ему не поверил.

После вчерашнего выпивки не осталось, поэтому он поставил на огонь закопченный кофейник. Разогрел бобы. Девушка сняла мокрую одежду, завернулась в одеяло, под села ближе к огню.

– Кто вы, мисс? – спросил Роб.

Девушка тряхнула головой. Темные влажные волосы рассыпались по плечам – Роб почувствовал слабинку внизу живота и отвернулся.

– А вам какое дело?

Роб пожал плечами.

– Никакого. – Он присел и поворошил кочергой угли. Они пылали ярко и багрово. – Есть хотите?

– Д-да.

– Как вас зовут?

– Аэлита.

Странное имя. Робу не понравилось. Он смотрел, как Аэлита ест – неловко зачерпывая деревянной ложкой бобы, – почему-то даже это его раздражало. Они с Медведем открыли для девушки последнюю банку, больше на дорогу до

Амарилло у них нет ни крошки. А ей наплевать. Впрочем, если даже Медведь не ворчит, то ему, Робу, совсем это не к лицу.

– Спасибо! – Девушка положила ложку, вытерла губы. – Теперь вы должны мне помочь.

Роб поднял брови:

– Должны? У нас нет запасной лошади.

– Понимаете, я преследую одного человека...

Лицо Роба осталось неподвижным. Он аккуратно налил кофе в железную кружку, придвинул девушке. Над черной поверхностью кофе поднимался пар.

– Вам неинтересно? – удивилась девушка.

Роб молчал.

– Я думала, вы мне поможете, – сказала Аэлита. – То есть вы... вы должны мне помочь!

– Сомневаюсь, – сказал Роб.

– Почему?!

– Потому что вы нам ничего не рассказали, мисс. – Роб пожал плечами. – Решать вам, конечно... Я не лезу в чужие дела. Зато, пока жевали бобы, вы придумали, как нас облапошить.

Девушка вскинула голову. Медведь позади расхохотался:

– Слушайте его, мисс. Роб у нас умный.

Аэлита посмотрела рассерженно, выпрямилась. Одеяло на мгновение соскользнуло с груди. Медведь шумно сглотнул, подался вперед.

– Я не собиралась... – начала девушка.

– Роб, есть дело, – сказал Медведь и, не дожидаясь ответа, потащил товарища за локоть. Роб нехотя встал.

На крыльце компаньон остановился. Шум дождя стал оглушительным. Медведь сделал шаг назад, вышел из-под крыши, и капли забарабанили по тугой коже его шляпы.

– Какая девушка... а? – Медведь натолкнулся на взгляд Роба, замолчал. – Э... Не заводись. Ты чего? Чего, а? Я ж пошутил!

– Да? – безразлично спросил Роб.

Глаза Медведя забегали.

Роб помолчал. Что с этого дикаря возьмешь?

– Она тебе никого не напоминает? – спросил наконец.

Низкий лоб Медведя пошел складками, мохнатые брови сдвинулись к переносице. Охотник покачал головой.

– Да вроде нет. – Медведь помедлил, спросил осторожно: – А что?

– Ничего, – сказал Роб. – Показалось. Пошли обратно.

Охотника прозвали так шайены – Сумасшедший Медведь, Который Никогда Не Спит. Шатун. Когда Роб с ним впервые встретился, Медведь пропивал последние деньги, заработанные убийством индейцев, и выглядел конченным ублюдком. Впрочем, таковым он и являлся. Не надо иллюзий.

Но лучшего следопыта не найти. Разве что настоящего индейца из шайенов. Да где ж их возьмешь? Так из бывшего капитана бронекавалерии и верзилы-янки получился отличный дуэт охотников за головами.

– Вы же работаете на закон, – сказала Аэлита. – Разве нет? Он опасный человек, этот Джек Мормо. Если мы его не остановим...

Роб негромко спросил:

– Сколько дают за его голову?

Девушка рассердилась:

– Вы меня вообще слушаете? При чем тут деньги? Он убийца... Он маньяк! Он опасен!

– Ну, я уже достаточно наслушался. – Роб поднялся. – Пойду проверю лошадей. Простите, мисс, ничем не могу помочь.

– Нет, можете.

Роб поднял брови.

– Вам все равно придется мне помочь, – сказала девушка решительно. Вытянула руку, голос вдруг наполнился невероятной силой, зазвенел, как громкоговоритель на площади: – Именем Конфедеративных Штатов призываю вас на службу президенту и свободному человечеству!

И дальше – на непонятном языке, по звучанию похожем на язык краснокожих. Навахо, нет?

Роб кожей почувствовал, что это не просто слова. По спине пробежал озноб.

– Что еще за сраный президент? – удивился Медведь. – Простите, юная мисс, придется вас отшлепать, – прогудел он довольно.

Аэлита выпрямилась.

– Гражданин Конфедерации Джеремайя Смоки!

На удивление Роба, Медведь вздрогнул и вытянулся по струнке.

– Я!

– Готовы отдать жизнь во имя добра, справедливости и защиты человечества?

– Что?

– Готовы, спрашиваю?!

– Да! – Во взгляде Медведя (Джеремайи?) загорелся фанатичный огонек. Черт, да что с ним? Роб попятился.

Девушка повернулась к Робу:

– Гражданин Конфедерации Ро...

Роб выскочил в дверь, захлопнул ее за собой. Иди к дьяволу, сука! Пригибаясь, он бросился к сараю. Струи дождя ударили по спине, вода полилась за шиворот. Вот же угораздило, подумал Роб. А так все хорошо складывалось...

Шляпа осталась в доме, волосы мгновенно намокли. Даже сквозь шум ливня Роб слышал, как в конюшне тревожно переступают и всхрапывают кони.

Вспышка молнии высветила залитый водой двор.

Окно распахнулось.

– Гражданин Конфе... – Гром перекрыл последние слова.

Роб бросился в грязь ничком, заткнул уши. Ведьма, ведьма. Если Медведь на ее стороне, он будет стрелять... Ч-черт. Чертова молния! Двор осветился ослепительным белым светом.

Пуля ударила в грязь перед самым лицом Роба.

Перезарядка на два счета – у Медведя винчестер. Раз! Роб вскочил и рванулся вперед. Два. Пуля выбила щепки из дверного столба. Роб влетел в сарай и с разгону врезался плечом в ограждение денника. Треск. Роб упал на землю. Испуганные лошади всхрапывали. Вороной жеребец Роба по кличке Дюк поднялся на дыбы, забил копытами в воздухе. В свете молнии блеснули его оскаленные зубы. Хорроший мальчик, подумал Роб. Испугался? Тихо-тихо-тихо...

Раскат грома. Дюк ударил копытом в дверь денника – доска треснула. Роб откатился, встал на ноги.

Плечо зверски болело. Роб вынул из набедренной кобуры «кольт», проверил – пять патронов. Шестая камера напротив ствола была пустой – защита от случайного выстрела. Пять патронов. И все. Но даже не в этом дело...

Медведь – противник свирепый, опытный, хитрый, но Роб знает все его уловки. Ведьма гораздо опаснее. Два слова – и он в ее власти. Что это за президент такой? Что вообще происходит? Откуда она знает настоящее имя Медведя? Даже Роб его не знал, а они столько лет работают вместе.

И этот ее голос...

Роб скрипнул зубами, набрал пригоршню влажной земли с соломой, раскатал в ладонях и залепил уши.

Звуки исчезли.

Их сменило низкое гудение, точно находишься глубоко под водой.

– Тихо, мальчик. Тихо, – беззвучно заговорил Роб. Он протянул руку, пошел на жеребца. – Тихо, Дюк, тихо...

Жеребец успокоился и позволил к себе приблизиться.

Роб похлопал Дюка по шее – прости, друг. Выбираться сейчас с жеребцом было бы самоубийством. Жеребец беззвучно мотнул головой, словно прощаясь.

– Увидимся, друг, – сказал Роб.

Раскат грома. В черных глазах жеребца мелькнула паника. И что-то еще, страшное и глубокое, словно кто-то другой, древний и жестокий, выглянул из глаз Дюка. В следующее мгновение жеребец ухватил зубами руку Роба...

Хруст.

Роб понял, что кричит.

* * *

Утром он ушел далеко в горы, чтобы сбить со следа Медведя, если тот надумает отправиться за ним, и вернулся к хижине окольным путем.

Светало. В сыром воздухе медленно струился туман.

Роб, дрожа от холода, вытащил «кольт» из кобуры левой рукой. Солдатская модель, «сингл экшн», самая надежная. Но курок требовалось взводить каждый раз вручную. Отличный револьвер – для стрелка с двумя здоровыми руками. Роб большим пальцем левой руки взвел курок, барабан послушно провернулся. Даже от этого крошечного усилия в глазах потемнело.

Проклятый жеребец. Роб почувствовал ярость. Нет, «мальчик» не виноват – это все ведьма...

Аэлита вышла из хижины и что-то сказала Медведю.

Старый друг выглядел спокойным – необычайно спокойным. Вялым. Молчал. Двигался, только когда девушка ему приказывала.

Роб поймал ее на мушку. Так, теперь задержать дыхание... Аэлита, словно почувствовав его взгляд, повернулась. Роб замер. Дуло револьвера смотрело ей прямо между глаз. Аэлита простояла некоторое время, вглядываясь в заросли, где спрятался Роб. Робу даже показалось, что она его видит. Но нет. Аэлита повернулась и ушла в дом.

Он опустил револьвер. Рука дрожала.

– Бетти, – сказал Роб.

Когда Медведь с ведьмой уехали, забрав лошадей, Роб вернулся в хижину. В сапогах хлюпало. После ночи, проведенной под дождем в лесу, чудовищно хотелось спать.

Медведь не оставил ему ни патронов, ни припасов – ничего. Даже чертового ножа, чтобы нарубить чертовых веток. Теперь Робу предстояло добираться до города пешком, с одним «кольтом», без еды и воды, с покалеченной рукой. Правая кисть опухла и налилась синевой.

Роб снял с вешалки потрепанную кожаную флягу, воняющую тухлятиной. Даже Медведю она не приглянулась. Ну, с паршивой овцы...

– Ведьма, – сказал Роб.

Главное, исчезла голова Шустера Грейпа. Гарантированные законом две тысячи призовых долларов. Бетти – ему нужны эти деньги для нее. Бетти больна.

Сейчас хотя бы огонь развести, согреться. Роб распахнул дверцу печки... и отшатнулся...

Рассмеялся.

Из кучи углей, выброшенный, словно ненужная вещь, Робу улыбался обугленный череп Шустера Грейпа, убийцы и насильника. В пустой глазнице мерцала ирония. Второй глаз обгорел, но уцелел. Он смотрел на Роба с обещанием смерти.

– Мать твою так, – сказал Роб.

Мать твою так. Что нужно сделать с Медведем, чтобы тому стало наплевать на две тысячи долларов?

Чертов неудачник Шустер, даже смерть его не принесла никому никакой пользы.

Роб стиснул зубы. Это не Медведь, это все ведьма. Это все она.

Сырость пробрала его до костей. Он стянул ногами сапоги. Помогая себе зубами, кое-как снял одной рукой мокрую рубаху – и кажется, по пути оторвал пару пуговиц. Ерунда. Расстегнул ремень с кобурой, бросил на стол. Извиваясь всем телом, выполз из грязных джинсов. Задевая время от времени раненую руку, Роб замирал на несколько мгновений, затем снова начинал барахтаться. Если сейчас не согреться, считай, все пропало. Конец.

Он разделся догола, вылез на крыльцо. Солнце показалось из-за гор, наползло на долину, пронизывая лучами кроны деревьев. Яркие пятна пробежали по стене хижины, залили крыльцо. Роб подставил под солнечные лучи продрогшее тело, зажмурился, впитывая тепло.

Когда немного пришел в себя, Роб вытащил из дома мокрую одежду, побултыхал в бочке с дождевой водой. Она сразу стала мутной, грязной – точно душа предателя и труса. Почти теряя сознание, в полубреду, он кое-как отжал вещи одной рукой, зажимая подмышкой и коленями. Затем развесил на крыльце сушиться. От одежды под солнцем шел пар.

Глаза слипались. Он посидел, впитывая солнце всем телом, несколько раз уснул, проснулся, вошел в дом и завалился в кровать, завернувшись в зеленое вонючее пончо.

И мгновенно вырубился. Провалился в бездонную пропасть. И все время, пока спал, падал в нее, а внизу, в темноте, тонкими голосами кричали чудовища и тянули к нему свои щупальца.

Проспав несколько часов, Роб проснулся оттого, что задел больную руку. Искалеченную на фиг и окончательно руку. Боль пронзила его, как электрический разряд. «Хватит себе врать, Роб, мальчик мой». Как там в песне? Я-я-я человеееек постоянной печали. Я вечный неудачник. Роб посмотрел: пальцам пришел конец. Сколько там костей? Рука превратилась в перчатку Микки-Мауса, разбухшую, сине-багровую и туго натянутую, словно изнутри ее распирали трупный газ.

Несколько мгновений от боли Роб даже не мог дышать.

Когда боль немного отпустила, он встал, одеревеневшее тело с трудом слушалось. Напился дождевой воды из бочки. Пил и пил, пока не обессилел. Роб стоял у бочки, шатаясь, словно взмыленная лошадь с раздувшимся полным брюхом. Затем снова начал пить.

Собрал подсохшие вещи, с трудом оделся.

И отправился в погоню.

В самую медленную погоню в истории штата.

* * *

Медведь и ведьма уходили в горы, а стрелок преследовал их. Закончился лес, остались позади сосны и песчаные пустоши у зеркально-глубоких, как глаза неба, озер, а беглецы не стали ближе, но и стрелок не стал от них дальше. Рана мешала ему. Забывшись, Роб начинал действовать больной рукой, вздрагивал... бледнел смертельно. В голове вспыхивала и мерно, неумолимо пульсировала чернота. Словно внутри Роба соревновались в гулкой пустоте два метронома, два таймера, и оба вели отсчет к смерти – но разными путями. Один говорил: ты умрешь. Другой тоже говорил: ты умрешь, Роб, но сначала умрут другие. Первый стучал чаще – вспышками черноты перед глазами, позади глаз, отдавался в больной руке. Первый стучал чаще... но Роб предпочитал верить второму. Кажется, это была надежда.

Надежда обретает разные формы; возможность умереть минутой позже другого – это тоже может считаться надеждой.

К утру следующего дня Роб вышел к заброшенной бензоколонке. Рыжие от ржавчины, некогда голубые заправочные колонки. Выгоревшая вывеска с человеком в ковбойской шляпе – человек напоминал висельника. Налетел ветер, и висельник помахал Робу жестяной рукой.

«Заходи, дружище. Заправься».

Скри-и-ип. Скри-и-и-п.

Роб постоял, щурясь на солнце. Потом пошел дальше. Ему нужно было спешить.

...Трупы встретились Робу на второй день. Шатаясь от усталости, он брел по следу ведьмы и Медведя, чутьем следопыта находя места их стоянок. Уже в последнем кострище зола была теплой. Роб помедлил, еще не готовый поверить. Не может быть. Он настигал их. Черт побери, он действительно настигал их!

И тут он увидел черный столб дыма на горизонте.

Дым поднимался над горизонтом весь день, пока он шел, а затем исчез.

А потом Роб вошел в город.

С первого взгляда казалось, что в городе все в порядке. Все по-обычному, как всегда. Маленький городок, по большей части трейлерное поселение. Только... Собаки не лаяли.

Вокруг стояла невозможная, нежилая тишина. Роб прошел мимо покосившегося ржавого пикапа без колес, некогда бывшего голубого цвета, заглянул внутрь – на прорванных сиденьях кто-то оставил бутылку из-под ржаного виски.

Обливаясь потом, Роб одновременно стучал зубами от холода. Под палящим солнцем он мерз, кутаясь в шерстяное пончо. Чертова лихорадка. Ноги превратились в чугунные столбы, язык присох к глотке. Его трясло и мотало. Но хуже всего, хуже этой наркоманской дрожи была жажда. Вода воняла мертвецами и плесенью, но даже ее уже не осталось. Роб безнадежно потряс флягу и вытряхнул последние капли в рот. Облегчения не наступило. Голова раскалывалась, перед глазами все плыло, ноги подгибались.

Площадь. Колодец. Стоп!

Он прислонился плечом к глиняной стене дома.

Словно в кошмарном видении Роб увидел троих: Ведьму, Медведя и незнакомую старуху-индианку – такую древнюю, что, казалось, на ней осела пыль веков. Силуэты людей плыли и изгибались перед глазами, словно в потоке раскаленного воздуха. Роб моргнул.

И с усилием выпрямился. Нет, это не мираж.

«Я-я-я человек... постоянной...»

Он догнал их.

И, похоже, у него снова начался жар.

* * *

Пепелище. Семья поселенцев – восемь человек, лежали на земле голые, с обезображенными ужасом и болью лицами. Рты у них были зашиты.

Аэлита спросила:

– Кто это сделал?

Старуха-индианка залопотала на своем языке. Медведь переводил:

– Она говорит, их убил продавец швейных машинок. Он ездит на коляске, запряженной пегой лошастью, у него белые волосы, бледная кожа и красные, как у дьявола, глаза...

Индианка приблизила морщинистое, точно грецкий орех, лицо к Медведю, заговорила низким прокуреным голосом.

– Он зашил людям рты, – продолжал переводить Медведь, – чтобы они не могли кричать, и съел их души.

«Убийца», подумал Роб.

«Продавец швейных машинок», – мысленно повторил он. Роб подобрался так близко, что мог при желании пристрелить всех троих, не целясь. Или стволом револьвера выбить Медведю глаз. В голове стучали молоты, перед глазами кружились черные пятна, похожие на ворон.

«Значит, белые волосы, бледная кожа».

Красные, как у дьявола, глаза.

Альбинос, подумал Роб. В Амарилло в прошлом году приезжал бродячий цирк мутантов. Роб закрыл глаза и представил, как это было. Там, среди уродов всех мастей, выступал один альбинос – очень худой, белый, пугающе чуждый. Индейцы были свои, китаезы тоже, мутанты, уроды, гибриды, двухголовые, что там – даже бородатая женщина в чешуе, и та была больше человеком. Альбинос, хотя телосложением не отличался от обычного мужчины, выглядел существом из другого мира. Не из мира за океаном, а из мира за гранью мира.

– Вторые глаза, – сказал Медведь. – Синие очки.

«Что?» Роб дернулся и понял, что задремал. Сердце билось часто и надрывно, как выбивающийся из сил бегун.

Жар, начавшийся на подступах к деревне, превращал все вокруг в наркотический туман. Стены домов то подступали и сжимались вокруг Роба, то удалялись на тысячу миль... Сердце билось гулко и тяжело, из последних сил.

– Ему нельзя смотреть в глаза, – продолжал переводить Медведь. – Человек застывает, если взглянет в эти жуткие глаза. В его душе поселяется пламя подземного мира. Нет, не пламя... Он слуга царя змей. У него в глазах – змеи...

Девушку нельзя слушать, подумал Роб. На альбиноса – нельзя смотреть.

Роб дернул щекой. «Что мне вас теперь, на ощупь убивать?!»

– Не дайте ему снять очки, – сказала старуха по-английски.

Они уезжали. Роб на мгновение провалился в беспамятство, а когда открыл глаза, то понял, что уже слишком поздно. Только что шел разговор, и тут уже ведьма и Медведь сели на коней и тронулись.

Они опять убегали!

Роба охватила паника. Нужно идти... нужно... быстрее... Роб усилием воли оторвался от стены и пошел. Потом побежал, гулко топая сапогами. Старуха-индианка проводила его взглядом.

На окраине Роб остановился. Два силуэта исчезали слишком быстро, они уже отъехали от города на четверть мили.

Он прислонился плечом к стене, вытащил револьвер из кобуры. Попытался прицелиться. Силуэты всадников плавали на мушке. Медведь и ведьма уходили в сторону солнца, плыли маревом... Роб заплакал.

Он нажал на спуск. Выстрел грохнул и спугнул ворон – они взвились над его головой. Всадники продолжали ехать. Роб нажал на спуск еще раз. Боек сухо щелкнул – осечка. Еще одна.

Роб с силой швырнул револьвер в стену – тот разлетелся на куски – и побежал за всадниками.

Он бежал и бежал. Горячий воздух бил в лицо. Время замедлилось...

Роб споткнулся и полетел на землю. Удар.

В следующее мгновение темнота захлестнула его. Темный, жаркий прилив, словно пустыня раскрылась перед ним и сомкнулась над его головой. Все исчезло.

* * *

Воспоминание. Хромированная, как у «Кадиллака», решетка старого радиоприемника, вся семья в сборе, вот-вот начнется знаменитое шоу про Пики-Близнецы. Бетти прижалась к Робу всем телом, от ужаса и восторга у нее приоткрыт рот. В прошлый раз в пьесе появился Боб Вырви-Глаз. Он – страшнее всех, у него длинная пакля слипшихся волос и жуткий рот. Рассказчик – сам дьявол, он творит голосом жуткую, правдоподобную картинку. Его баритон опускается до глухого удара в висок, скрежещет, как врезающаяся в камни бензопила, хрипит, воеет и обволакивает. Они не могут пропустить ни слова, даже Медведь сидит, как замороженный, не выпуская из руки верньер радио.

Роб закрывает глаза, перед мысленным взором качаются багровые шторы. Сейчас кого-то убьют...

- Может, палку в рот? – раздался знакомый голос, и Роб открыл глаза.

Над головой – низкий рифленый потолок, как бывает в трейлерах, он год прожил с Бетти в таком же. Потолок дырявили пулевые отверстия, но все они были тщательно заделаны, из дырок свисали конские хвосты, некоторые с колокольчиками, другие с вплетенными в них осколками зеркал или просто с цветными узелками.

Похоже, его подобрали кочевники? Слабая надежда колыхнулась в груди Роба. Песчаные кроты не торговали людьми и не калечили почем зря. С этими можно договориться.

- Глухой, что ли? – снова этот голос.

Половина трейлера, как паутиной, затянута огромным лоскутным одеялом. Из-под одеяла выползла старуха – с огромными щипцами в руках. Это точно не предвещало ничего хорошего. Роб дернулся и обнаружил, что связан: широкий ремень перетянул тело, ноги в какой-то веревочной сбруе. Роб попробовал освободиться. Искалеченную ладонь взорвало, точно стиснул в кулаке гранату.

Посреди трейлера стояла тренога, на листе жести багровела гора углей. Роб чувствовал исходящее от них тепло. Старуха прошаркала ближе, поворошила щипцами угли. Багровые отсветы ложились на морщинистое лицо. Теперь Роб ее узнал – та самая индианка, что рассказывала о продавце швейных машинок. Но... как Роб оказался у нее в трейлере?

Оружие? Где его револьвер?!

- Палку зажмешь, говорю? – Старуха показала ему деревяшку со следами зубов. – Орать ведь станешь?

Роб похолодел. Вот оно что...

– Как знаешь, – вздохнула старуха, отложила ложку, щипцы и потянула из углей широкий нож-мачете. Лезвие, светящееся багровым в полумраке трейлера, притягивало взгляд. Роб замер. Время загустело, как старый мед, который до сих пор находят в мертвых ульях, облепило с головы до ног. Роб замороженно наблюдал, как нож плывет в воздухе, оставляя за собой размытый огненный след...

«Нет», – подумал Роб.

О, боже.

В следующее мгновение рука старухи поднялась вверх и опустилась...

Мир треснул.

Боль, прежде такая смешная, даже уютная, стала бесконечной. И где-то посреди этой пустыни бесконечности Роб потерял себя.

* * *

Ее бедро было выточено из теплого дерева, гладкое, упругое. Оно терлось о Роба, вызывая к древнему, как солнце, инстинкту.

Он сомкнул пальцы на округлом, желанном. Лежал, не открывая глаз, ласкал и гладил, наслаждаясь простотой и нежностью этого бессмысленного движения. Рука отправилась выше, заползла под рубашку. Грудь была маленькая, почти детская. Но его ладонь встретила по-взрослому, наградила заостренными пулями сосков.

Роб находил все новые поводы для восторга: нежные, хваткие ладони ночной гостьи, без стеснения взявшие в окружение его естество, мягкие губы, принявшиеся целовать грудь и живот, спускаясь все ниже и ниже. Господи боже, подумал Роб. Но тут женщина передумала. Роб не сдержал разочарованного стога, но она уже запрыгнула сверху, тисками сжала бедра стрелка своими и начала ерзать, направляя его в себя. Ноги отнялись, низ живота скрутило от похоти. Роб хотел перевернуться, схватить женщину за волосы и показать, кто тут хозяин... Он дернул правой рукой, боль сорвалась с

цепи и помчалась от запястья выше, сжигая все на своем пути.

От крика у Роба треснули уголки губ. Наваждение как рукой сняло. Он попытался вскочить, но не смог. Роб по-прежнему лежал в трейлере, под свисающими с потолка конскими хвостами. Его рука! Культия была перемотана тряпкой и притянута к кровати отдельным ремнем. Наконец Роб смог разглядеть женщину. Индианка, лет шестнадцати, смуглая, тоненькая. Она скинула с плеч лоскутную рубашку и сидела обнаженная, руками упираясь ему в грудь. Голова запрокинута. Роб видел плотно сжатые губы, белый шрамик под носом, она шумно тянула воздух ноздрями, волосы черной беспорядочной волной скрывали лицо. Ее задница не останавливалась ни на миг.

Он попытался сбросить с себя девушку, но та до боли стиснула бедра и продолжила скачку. Огонь поселился меж ее бедер, адское хохочущее пламя.

Каждое движение отдавалось в руку, рана пульсировала, точно из нее наружу хлестала лава. Никогда Роб не чувствовал ничего более жуткого и страстного одновременно. Он словно расплавился в этом горниле, стал кипящим оловом, чтобы наполнить ее сосуд собой и застыть новой, идеальной формой.

Левая рука стиснула запястье девушки. Какая-то часть мозга, слишком холодная и циничная, чтобы тонуть в пламени утех, отметила, что вверх по руке идет выпуклая татуировка. Спираль, состоящая из множества мелких рисунков.

В этот миг девушка приблизилась к пику.

Удары ее бедер стали еще агрессивнее. Она завывала, опустив голову к самой шее Роба. Он чувствовал, как ровные мелкие зубы касаются его кадыка. Молот поднимался и опускался, сплющивая Роба, выжигая его вены смесью кокаина и амфетамина, сдобренной щепотью смерти.

Они бились в унисон, исступленные звери, Роб и девушка. Оба кончались, она от страсти, он в агонии. Девушка накрыла его рот своим и начала кричать, используя его глотку, как трубу. Роб зазвучал, как орган. Он чувствовал, что его ноздри вдыхают воздух для них обоих. Что-то неопишное творилось с его телом. Должно быть, так стартуют баллистические ракеты. И тогда он начал кричать в нее в ответ и кричал до тех пор, пока не расстрелял весь боезапас.

* * *

– Твоя племянница... позови ее.

Старуха покачала головой. Несмотря на жару, она зябко куталась в теплый халат, вероятно, утащенный из какой-то древней гостиницы. Эмблема отеля на груди – грязноватый лоскут алой ткани. Как орден. Как вырванное сердце. Как символ утраченной чистоты.

Старуха пожала плечами:

– У меня нет племянницы.

Роб моргнул.

– Внучка?

– И внучки нет.

– Но здесь была юная девушка...

Роб замолчал. Сейчас он уже не был уверен, что видел то, что видел. И чувствовал то, что чувствовал.

Она была юной и красивой. Никогда прежде он такого не ощущал.

Роб помедлил. Если это бред, то, черт побери, неплохо бы, чтобы этот бред иногда повторялся.

– Бывают и просто сны, – сказала старуха ехидно.

Усмехнулась. У Роба вдруг свело затылок. Не может быть! На мгновение ему показалось, что он узнает в ухмылке старухи ночную гостью...

Нет, ерунда. Просто они родственницы, а старуха почему-то скрывает...

«Татуировка». Сознание ухватилось за спасительную мысль.

– Покажи руку, – сказал Роб.

Старуха подняла ладони, повертела ими перед носом у Роба. От ее рук пахло какой-то едкой травой. Чернильные вены проступали сквозь кожу цвета глины.

– Рукава, – сказал он. Бессильно дернул левой рукой, точно хотел схватить старуху и притянуть к себе. Старуха ухмыльнулась. Рукава ее халата были плотно примотаны к запястьям.

– Некоторым тайнам место в могиле, – сказала старуха. И уползла под свое одеяло на другую половину трейлера, загремела оттуда каким-то хламом.

На пепелище ее руки были обнажены. Он видел узоры на ее предплечьях. Те же? Такие же?

Просто они родственницы, сказал он себе. Одно племя, одна семья. Ритуалы... Может, секта...

И сам же себе не поверил.

Через два дня Роб проснулся и обнаружил, что ремни исчезли. Он был свободен.

– Тебе нужно лежать, иначе рана откроется, – раздался резкий старухин голос.

Роб покачал головой. Начал подниматься...

Старуха кивнула.

– Я знала, что так и будет. Ты один из тех мужчин с каменным лицом... и куриным мозгом, которые всегда поступают по-своему. Впрочем, вы даже без головы можете встать и бегать.

Роб помолчал. Он не понял, что она хочет этим сказать, – или не хотел понимать. Роб с трудом выпрямился, мышцы отвыкли. Слабость такая, что он только

усилием воли заставил колени не дрожать.

– Мне нужны лошадь и оружие. Заплатить я не могу.

По лицу старухи скользнула усмешка:

– Ясно, что не можешь. – Она шустро, для ее возраста, поднялась. – Лошади у меня нет, а оружие... Пойдем со мной.

...«Кольт Уокер», прочитал Роб надпись на стволе.

Огромный револьвер. Такой древний, что казался космическим кораблем Предтеч, опустившимся на Землю задолго до появления динозавров. Время отполировало его до блеска. Время и сила убийства. Роб, даже не взяв еще револьвер в руки, чувствовал заключенную в оружии мощь. Словно физическое ощущение сгустившейся в комнате грозы.

– Тяжелый, – сказал Роб, не зная, что еще сказать. Он протянул руку и вытащил револьвер. «Она что, издевается?»

– Патроны? – начал он и замолчал. Чертов тупица, какие еще патроны? Это капсульный револьвер, созданный пару веков назад, задолго до Гражданской войны. Лучшее, что можно получить, мешок окаменевшего пороха и горсть помятых свинцовых шариков.

Старуха покачала головой, словно прочитала его мысли. Тяжело вздохнула. Ушла и вернулась с деревянным ящиком. Дерево было старым, но прекрасно сохранилось, только кое-где облупился лак. Латунные детали и уголки потемнели от времени.

– Открой, – велела старуха.

Замок настолько закис, что его пришлось сломать ножом. Ящик наконец открылся. Ярко-красный цвет ударил по глазам, Роб выдохнул. Красная бархатная обивка.

Роб присвистнул. Вот это да.

Устройство для отливки пуль. Машинка для закатки патронов. Огромная латунная пороховница с гравировкой – битва индейцев с тexasской кавалерией. Полный набор инструментов для чистки и разборки оружия. Куча латунных гильз в жестяной коробке из-под леденцов. Капсюли в металлической капсюльнице. Неужели они до сих пор могут сработать? Роб покачал головой. Да уж. И небольшой увесистый мешочек – Роб взял его, развязал одной рукой, перевернул над коробкой...

Из мешочка рекой потекли пули, разбежались по красному бархату. Роб моргнул. В первый момент не поверил своим глазам. Это был не свинец.

– Золото?

В каком-то смысле он даже не удивился – настолько все переменялось с появлением ведьмы. Слово Роб попал в мир магии, где золотые пули были обычным делом. Одним из условий существования сдвинутой реальности. Старуха смотрела молча и чуть насмешливо.

Роб взял один из шариков, поднес к глазам.

Золотая пуля. Красиво. «И дорого».

Человек, у которого нет ни цента, получил в свое распоряжение горку золота. «Я могу вернуться к Бетти», – подумал он. А потом начал собирать пули обратно в мешочек.

«Выбора у меня все равно нет», – подумал Роб. Но так и не признался себе почему.

И только собрав все пули, он сообразил. Револьвер не капсюльный. Это переделка. Закаточная машинка здесь неспроста. Древний «уокер» был переделан под патрон центрального боя. Тем лучше. Хотя...

Он с сомнением посмотрел на закаточную машинку. С одной рукой ему точно не справиться...

– Тебе придется мне помочь, – сказал Роб.

Старуха кивнула.

– Это само собой. Вам, мужчинам, вечно нужна помощь.

* * *

Предчувствие беды, неотвратимое, как старость, нагнало Роба у таблички с названием города. Казалось, кто-то упорно долбил по надписи булыжником, а то, что осталось, затер углем. Не сдалась лишь сдвоенная «L». Цифра, обозначающая число населения, была несколько раз зачеркнута, последняя утверждала: двадцать девять человек. Негусто.

По ногам Аэлиты бежали тонкие, словно ювелирно прорезанные ножом, потеки крови. Ветер заретушировал их песком. Под крестом натекла целая лужа – густая, багровая, с фирменным набором жужжащих мух. Вокруг распятия живописно расположились несколько мертвецов, словно их оставили охранять Царя Царей, чтобы не слез и не пошел дальше разносить чуму своего учения. Один стоял на коленях, молитвенно сложив руки. Упасть ему не давали грубые швы, связавшие плечи с боками, а ладони друг с другом. Еще один труп, раскинув руки, изображал тень от креста. Третий скорчился на боку, левой рукой прикрывал сердце, а правой указывал на север – туда, откуда пришел Роб. Губы мертвецов были заштопаны. Не болтай!

Роб двинулся вперед, аккуратно обошел мертвеца-компас, а «молельщика» случайно задел коленом, тот повалился – изо рта у него посыпались швейные иглы. Роб некоторое время смотрел, как они падают, затем пошел дальше. Он остановился перед крестом и посмотрел на ведьму. По всему выходило, что она – падаль, брось, перестань, уйди! – на руках и ногах зияли образцовые, как по учебнику, раны, в боку алела апокрифическая дыра от удара копьем – гнида, мразь, цитатами сыплет! – нет, не было копья, честный 45-й калибр. Человеческое еще стучало Робу в затылок, и он почти обрадовался, когда Аэлита завопила так пронзительно, что из окон, проломов в крышах, со стропил и чердаков, из проржавевших гробов, бывших некогда тракторами и автомобилями, сорвались десятки ворон и поднялись в воздух истеричной рассыпающейся стаей.

– Жива, – сказал Роб.

Аэлита извивалась на столбе и кричала. Руки пробиты гвоздями, ноги припилены к столбу огромным ножом. Глаза ведьмы утратили радужку, каждый – огромное белое ничто с угольным проколом зрачка. Взамен тернового венца дьявол Джек Мормо сделал ей кривую насечку через весь лоб, точно играл в крестики-нолики. Кровь залила ведьме лицо и свернулась, стянула кожу высохшей маской. Аэлита вздрагивала всем телом. Роб отвернулся. Времени нет. «Снеси башку, и дело с концом», – подсказал негромко «уокер», но Роб стиснул рукоять, и револьвер унялся.

– Медведь, – сказал Роб. Когда-то война отрезала город от остального мира, снесла ему макушку, обезглавила дома на этажи выше третьего; стены вросли в землю, арматура торчала из них, как обнаженные кости динозавров. Когда-то здесь шли бои. То, что Роб сначала принял за тракторы, оказалось самоходными установками. Местные давно пустили их в дело. Пушки и пулеметы выдрали из гнезд, гусеницы и фары сняли, начинку, обшивку, провода выпотрошили, как сумели, а бронированные остовы бросили гнить. Железо зацвело бурной ржавчиной. Катки заплело бледным вьюном. Земля не собиралась отдавать добычу.

Город вновь заселили лет десять назад. Роб видел остатки трейлеров песчаных кротов, их приметные домики. Дорожка из кровавых следов уводила Роба прочь от креста, петляла меж вросших в землю машин. Здесь кого-то волокли. Возможно, так было задумано: приезжий наткнется на ведьму, придет в ярость и без разведки побежит спасать остальных. Или, что вернее, благоразумно попятится, наберет флягу воды в колодце у поворота дороги и исчезнет в закате.

Убегать Роб не стал.

В городе, кажется, промышляли рабами. Роб шагал по центральной улице, едва переставляя ноги. Его мутило от голода и жажды. Рабство он уважал, как закон, а к пыткам и шкуродерству питал отвращение. Немало народу на его памяти продалось за тарелку фасолевого супа, но по слову, согласно неписаным правилам! Роб презирал слабаков, но палачей ненавидел больше.

На каждом шагу он находил следы: стальные тавро на длинных рукоятях, ими клеймили рабов, наручники, кожаные намордники, цепи, чтобы сковывать невольников по трое. У салуна валялась ржавая клетка, в таких подвешивали

беглецов или особо строптивых рабов. Судя по жуткой вони, недавно кто-то провел в ней немало часов, испражняясь под себя. И нигде ни единого тела.

Кто-то намеренно разбросал эту мерзость. «Видишь, Роб? Вот сукины дети. Посмотри, чем они занимались». Будь Роб моложе, сохрани хотя бы щепотку тех идеалов, что привели его когда-то на службу в армию, он вляпался бы в ловушку. Нет, вбежал бы в нее с разгону!

Но сейчас он чувствовал только усталость.

* * *

Следы уводили в дыру в стене дома. Роб видел свежие надломы досок. Дыра оказалась сквозная, через нее открывался проулок, темный, как обугленное жерло печи, заблокированный спекшейся массой боевой техники. Когда-то здесь разверзлась маленькая локальная Преисподняя. Роб, проклиная свое упрямство, полез внутрь. Стены смыкались за ним. Здесь жили дети, мельком отметил он. Все стены украшали рисунки углем, сплошные пытки и казни, черепа, ругательства, ножи и ядерные грибы.

Роб не хотел в проулок, по всему выходило, что он высунет голову, а там Мормо.

«Ты уже у него на мушке, придурок, – подсказал «уокер». – Ниже голову».

Надо зайти с тыла, а не штурмовать в лоб. Но Роб упрямо лез вперед. Он уже насмотрелся. Хватит обходных маневров!

На выходе, перегораживая переулок, лежал Дюк.

Роб узнал его, несмотря на то что шкура жеребца превратилась в сплошную кровавую рану, а сам он больше напоминал кусок фарша, провернутый через гигантскую мясорубку. То, что Роб принял за обрывки кожи, оказалось ковром из мух. «Черт». Как бы то ни было, действовать стоило быстро. Роб убрал оружие, чувствуя себя голым, и опять попытался спрятать нос в ладони. Вонь была чудовищной. Мухи взвились разом, негодуяще приветствуя Роба.

С коня живьем сняли шкуру.

Дюк еще дышал. Мормо вставил пластиковые трубки ему в ноздри, пасть шипела кровавой пеной, но животное отказывалось умирать, конвульсивно дергало копытами, косило на Роба огромным выкаченным глазом. Стрелок протиснулся мимо, никакой души не хватит жалеть каждого, но совесть взяла свое. Тварь, конечно, прокусила ему руку, но кое-что он был ей должен. «Не трать патроны», – предупредил рассудок, но Роб отмахнулся.

«Баааам», – отдалось в плечо яростью «Уокера». Дюк дернулся, перевернулся на спину и забил копытами в воздухе. Одна нога переломилась и повисла на лоскутах мышц. «Бам», – спокойно добавил «уокер». «Бам», – и жеребец обмяк грудой освежеванного мяса.

Роб перезарядил револьвер. «Теперь Медведь». Оскальзываясь, рискуя в любой момент подвернуть или хуже того – сломать ногу, Роб побежал прочь. Мухи шли в лобовую, хлестали по рукам и лицу, мерзкие пули мелкого калибра. Мухи торопились назад к трапезе.

Ноги хлюпали в кровавой грязи. Когда Роб понял, что ступает по кишкам, его замутило. Стрелок резко остановился, отшатнулся было, но споткнулся о чьи-то ноги и упал. Чуть не навернулся лицом прямо в чью-то раскуроченную спину. Выставил руки при падении и так зверски ударился культей, что боль выжгла из него всю брезгливость. Когда мир перестал быть белым и вопить, Роб открыл глаза, стер с лица кровь и разрешил себе увидеть правду.

Весь город нашел свой конец в этом тупике. Мормо торопился, но отказать себе в небольшом шоу не смог. Тварь изнемогала от тяги к театральным эффектам. Дикое, нарочито людоедское искусство, которое подчеркивало: между нами пропасть, разумное существо не станет творить такого.

Некоторые люди еще притворялись живыми. Они стонали, скребли пальцами, как раздавленные жуки, ощупывали стежки, что забрали у плоти автономность, отрезали и выкинули необходимость отвечать строго за себя. Люди были обречены.

Джек Мормо сшил их воедино. Ему не хватало материала, чтобы сделать это, поэтому он использовал шкуру Дюка, чтобы сметать из людей огромный мясной ком. Грубо, но надежно.

Мормо развлекался. С некоторых снял лица. Всем без исключения заштопал рты. Значимую часть композиции расположил картинно, постарался, выстроил мизансцену. Теперь Роб радовался тому, что вода так легко покинула его желудок. Он мечтал вздернуть больного ублюдка! Разорвать его тягачами. Залить цементом. Вколотить в глотку огромный раструб и накачать его кипящим машинным маслом. Насадить на трубу паровоза, как на кол.

Медведь венчал эту Голгофу.

Мормо запихал его на самую вершину. Гражданин Конфедерации Джеремайя Смоки, так нелепо подставивший уши под ведмачий речитатив, казался пловцом, вынырнувшим из воды и силящимся достать рукой до борта бассейна. Роб не видел его лица и внезапно понял, что даже благодарен палачу за этот невольный подарок.

Указательный палец Медведя, ободранный до кости, упирался в кровавую надпись на стене:

ОТСТУПИТЬСЯ

На мгновение ноги отказались повиноваться.

Роб всякое повидал. В конце концов, он воевал – хотя гордиться тут особо нечем. Сжигал деревни с женщинами и детьми. Отнимал у озверевших братьев девочку лет десяти – она все равно не пережила ночи, ее забрал майор. Девчонка вбила насильнику в горло перьевую ручку, а утром ее повесили. Роб до сих пор помнил ее расцарапанные ноги, двумя тонкими ветками качавшиеся под окровавленным подолом.

Война раздевала душу, раскапывала ее нужники, вываливала наружу потаенное дерьмо.

Но тут случилось иное.

Здесь пирувал Зверь, сытый, самодовольный, уверенный в своей безнаказанности.

Роб покачнулся, надо было упасть, смешаться с кровавым месивом, стать мясом и кишками. Пройти эту инициацию. Но он лишь полез на кучу еще дышащих, шевелящихся трупов, чтобы вырвать из нее товарища.

И только закончив, обнаружил, что плачет кровью.

* * *

- Ты... - сказал Медведь, увидев его. И даже попытался улыбнуться.

- Как ты, друг? - спросил Роб. Он приставил револьвер к виску Медведя и взвел курок.

- Рооо...

- Что?

- Роооо! - Из рта Медведя полетела кровь.

- Что, дружище?

- Пиить.

Роб покачал головой. Воды нет.

- Ну ты... и зануда, - сказал Медведь. Роб кивнул и выстрелил.

«Так и есть, дружище. Так и есть». Охотник снова был прежним - кровавая магия Джека Мормо оказалась сильнее ведьминых чар. А может, это была смерть. У нее свои чары. Медведь, огромный, освежеванная туша плоти, лежал на песке,

вытянувшись, и не дышал. Золотая пуля снесла ему полголовы. Из швов, снятых Робом, торчали обрезки кожаных ниток. В животе охотника, вспоротом, а затем заштопанном вкривь и вкось, что-то шевелилось. Роб не горел желанием узнать, что именно. Нет, спасибо.

Роб хотел закрыть охотнику глаза, но Мормо срезал тому веки – как предусмотрительно! Роб подумал, вынул мешочек с оставшимися золотыми пулями. Достал две, расплющил ударами рукояти «уокера». Убрал мешочек обратно. И закрыл мертвецу глаза золотыми неровными монетками. Вот так.

Возможно, это что-то значит в загробном мире. Роб пожал плечами. Возможно, ничего. А он просто сентиментальный дурак. Роб поднялся и пошел прочь.

Он прошел через весь город, уже не замечая чудовищной вони разложения, набрал воды в колодце на повороте дороги, напился сам и наполнил флягу. Тошноты не было. Человек ко всему привыкает, даже к жизни на бойнях.

А потом он вернулся к ведьме.

Распятое нагое женское тело. Роб медленно и не торопясь, оглядел ведьму с ног до головы. Несмотря на ситуацию, он вдруг на мгновение почувствовал желание – особенно неуместное здесь и сейчас, посреди этой кровавой вакханалии.

А вот жалости не было. После смерти Медведя – нет, совсем нет. Впрочем, о Медведе он тоже не жалел. Но охотник был ему другом... и не заслуживал такой смерти. Любой другой – пожалуйста. Медведь нагрешил за свою недолгую скверную жизнь на два Ада и пару чистилищ... Но не такой.

– Эй, – окликнул он Аэлиту. – Живые есть?

Ведьма мучительным усилием открыла глаза. Рядом с ее головой на перекладине солидно сидели две вороны. Когда Аэлита очнулась, одна ворона попыталась клюнуть ее в глаз, но промахнулась. Ведьма дернула головой и застонала. Ворона примерилась клюнуть еще.

Роб вынул «уокер» и аккуратно прицелился в ворону.

– Бам! – сказал Роб.

Ворона, взмахнув крыльями, сорвалась с перекладины, вслед за ней – вторая птица. Кар-кар, крикнули они с безопасной высоты. Кар-кар. Видимо, так звучит «ну ты зануда» по-вороньи... Умные птички.

Ведьма перевела взгляд на Роба – с усилием, словно у нее заржавели глазные яблоки.

– Убей меня, – сказала она, – или помоги.

Роб помедлил. Оба варианта ему не нравились.

– Я подумаю, – пообещал он. Убрал револьвер в кобуру.

В конце концов, именно ведьма привела сюда их обоих – и Роба, и Медведя. Это она во всем виновата. Долбаный сукин сын Мормо пришел Медведя к человеческой многоножке. Роб опасался, что увиденное останется с ним навсегда.

Возможно, оставить Аэлиту умирать на кресте будет лучшим выходом. А вороны еще вернутся...

Возможно.

Роб оглядел крест, посмотрел на гвозди, вбитые в запястья ведьмы, затем на обрубок собственной правой руки. Кажется, это будет довольно мучительно... Нужно найти инструменты.

– Никуда не уходи, – сказал он ведьме. – Я скоро вернусь.

* * *

Крест наконец упал.

Роб нашел ржавый заступ. Сжимая его непривычной левой рукой, пошел освобождать Аэлиту. Каждый удар болью отдавался в обрубке. Роб матерился и рычал. Попытка петь, но слова застревали в глотке, а перед глазами вставал Медведь, прежний, живой, с вечной дебильной ухмылкой и мохнатыми гусеницами бровей. Медведь улыбался, щерил редкие зубы.

Роб работал, но мысленно все время возвращался к надписи кровью. Надпись принимала разную форму, смысл, интонацию. «Отступи. Оступись. Отстань. Отстранись. Отвали. Отвянь». Рубка отвлекала едва-едва.

Когда крест закачался, времени на раздумья не осталось. Дерево затрещало, Роб в последний момент отпрянул.

Крест обрушился с грохотом, подпрыгнул. Голова Аэлиты треснулась о перекладину, ведьма закричала, из-под волос потекла кровь, но Робу было уже не до мелочей, он подошел и взялся за нож. Стрелок раскачивал и тянул, кровь брызгала в лицо, пальцы скользили, не держали рукоять. Наконец он выдернул нож и отбросил в сторону. Затем защемлял курком «уокера» трехдюймовые иглы в руках ведьмы и выдирал их, пихал оторванный кусок своей рубашки в дыру у нее под ребрами, как вдруг оказалось, что крови больше нет, ведьма села и хлещет его по щекам, отгоняя, а сама мычит какой-то варварский напев. Роб зашипел от обиды, отступил, но тут на его глазах раны сжали челюсти и зарубцевались тонкими злыми полумесяцами.

Все, кроме дыр на запястьях. Стигматы.

Роб отполз к стене дома, прикинул, что будет, если положить весь барабан ведьме в голову, золотая пуля к золотой пуле, вздохнул, завернулся в вонючее зеленое пончо и камнем ушел на дно.

* * *

Он залил ее ранки на запястьях перекисью водорода, Аэлита вздрогнула. Ш-ш-ш. Шипение, словно жарить бекон на сковороде. Много-много бекона. Ш-ш-ш. Перекись Роб нашел в ее походной сумке, вместе с чистыми бинтами. Еще бы банку древней «живздоровки»... Говорят, эта штука восстанавливала даже потерянные пальцы. Не повезло. Только перекись и бинты. Хотя, судя по тому,

как заживают раны ведьмы, «живздоровка» у нее в крови.

«Если нацедить пару стаканов и выпить, моя рука отрастет заново?» – цинично подумал Роб.

Когда раны очистились, Роб помог ей забинтовать запястья.

Ведьма потерла повязки, выпрямилась. Посмотрела на него исподлобья. Обнаженная, в крови, грязи и нечистотах, в царапинах и бинтах, ведьма сидела раскованно и жестко, как царица. Никакой благодарности в ее взгляде Роб не заметил.

Ну, не очень и хотелось.

– Кто такой Джек Мормо? – спросил Роб. – Он хотя бы человек?

Стрелок устроился напротив ведьмы, вытащил из кобуры револьвер. Машинально проверил патроны. Мышцы ныли так, что ляг и умри. Он взвел курок, барабан провернулся.

Ведьма покачала головой. Нет. Или – не знаю.

– Когда-то эта земля принадлежала им, – сказала Аэлита, – они были господами, а индейцы, которых вы безжалостно истребляете, – рабами предков Мормо. Их пищей и рабочим скотом.

– А кто тогда ты?

– Я? – Ее глаза расширились.

Выстрел.

Пороховой дым развеялся. Ведьма сидела, съежившись. На расстоянии ладони от ее головы в стене темнела дыра от пули.

– Прости, что перебил тебя, – сказал Роб. Аккуратно убрал еще горячий «уокер» в кобуру. – Давай договоримся. Я подумал, если ты вдруг захочешь сделать со мной то, что сделала с Медведем, то я лучше убью тебя сразу. И потом я подумал...

Ведьма с усилием мотнула головой.

– Да?

– ...что я, в общем-то, не согласен.

Роб помолчал. Почему-то именно сейчас он почувствовал невероятную усталость. Голова раскалывалась.

– Я убедительно донес свою точку зрения? – сказал он и неожиданно понял, как глупо звучат его слова. Особенно здесь, в этом мертвом городе. Пафос среди кишок. словно до этого момента все было настоящее, а сейчас Роб сорвался на банальность, от которой ему стало неловко. Как те болтливые «типа крутые» в салунах. Просто треп. Роб передернул плечами и выпрямился.

– Прости, – сказал он.

Это прозвучало ненамного умнее, Роб решил, что в следующий раз вообще не будет ничего говорить. «Да, это лучше всего».

В следующий раз – это когда? Когда ее снова распнут?

– Я буду молчать, – пообещала ведьма.

...Его толкнули в плечо.

– Эй!

Роб открыл глаза. Заморгал. Он сам не заметил, как провалился в сон.

– Я нашла одежду, – сказала ведьма. – Можем идти.

Роб посмотрел и вздохнул. М-да. Не то чтобы он отличался особо тонким вкусом. Но... видимо, сам того не зная, все же отличался.

Она нашла алое платье – длинное, с разрезом по бедру, открывающее длинные ноги. Алая ведьма, подумал Роб. Хотя скорее – алая шлюха.

Алое ей не шло.

Роб никак не мог выкинуть из головы гладкое бедро ведьмы, мелькнувшее в разрезе платья. Алое подчеркивало ее... женственность? распутность?

Впрочем... Роб пожал плечами. Какое мне дело, как она одевается? Да пусть хоть седло на себя напялит, хоть веревкой обмотается!

«Главное, чтобы она привела меня к убийце Медведя».

На голову ведьма накрутила что-то вроде тюрбана – из длинного куска розовой ткани. Возможно, какая-то юная девушка хранила ее для будущей свадьбы. Еще один дар мертвого города.

Возможно, из-за тюрбана черты ее лица больше не казались девичьими. На Роба смотрела взрослая молодая женщина – строгая и жесткая. И красивая.

– Ты должен найти его. Мормо. И убить.

– Я что, похож на сраного регулятора? – хрипло спросил Роб.

Ведьма покачала головой:

– Это неважно.

– Правда? А что тогда важно?

– То, что ты не остался в стороне. Ты пошел за мной. Чтобы спасти своего друга, который угодил в лапы суки-ведьмы. Так?

– Медведь мне не друг.

– Посмотри на себя, Роб.

Он засмеялся. Ведьма вздрогнула.

– Самая дурацкая фраза, что я слышал в жизни! – сказал Роб.

– Тем не менее посмотри на себя. Это ты шел за нами, с искалеченной рукой, без еды и отдыха. День за днем. Ночь за ночью. И теперь ты здесь и сейчас. Что это говорит о тебе?

Роб пожал плечами. В обрубке боль опять запела огненную песнь.

– Ни хрена это не говорит обо мне.

Аэлита хмыкнула.

– Возможно, так и есть. Возможно, ни хрена это не говорит о тебе. А еще может быть, что это говорит о тебе больше, чем ты думаешь.

* * *

На ферму овцеводов они натолкнулись ближе к вечеру.

Пропыленные, заросшие люди, несколько взрослых и с десятков детей загнали стадо небольших замученных овец в ограду. Роб и ведьма остановились, ожидая, пока пыль уляжется. Было странно видеть живых после всех этих залежей мертвецов, что им встретились по пути. Было удивительно, что эти люди продолжают двигаться, говорить, что на них нет крови и они не тянут за собой синеватые гирлянды выпущенных кишок. Странно, но обычные живые люди вызвали у Роба сильнейшее чувство ирреальности. Словно он пьян или даже одурманен.

Ведьма посмотрела на Роба, а он – на нее. Затем Роб мотнул головой в сторону загона. Ведьма посмотрела и кивнула.

У овцеводов были мулы. Пять или шесть облезлых, странной ржавой масти, но крепких и выносливых животных. Робу с ведьмой они бы точногодились. Путники двинулись к ферме.

Овцеводы увидели путников и встали навстречу, чумадые детишки выстроились, как на парад, глядя на них настороженно и даже, как показалось Робу, зло.

Роб положил ладонь на револьвер. Затем помедлил и убрал руку. Аэлита смотрела на него молча.

Роб усмехнулся и наклонил голову к плечу.

– Ну, что, ведьма. Твой ход.

Аэлита помедлила, кивнула и пошла к овцеводам. Она шла к ним неторопливо и властно, алое платье развевалось на ветру. Роб смотрел на ее длинные голые ноги и не мог избавиться от ощущения, что она ему нравится. «Черт побери. Этого только не хватало».

Овцеводы смотрели на приближение ведьмы настороженно. Старший, в круглой шляпе с откушенным краем, шагнул вперед – у него была клочковатая пегая борода и загорелое, иссеченное морщинами лицо. Старший задрал голову – кадык на худой шее дернулся – и промычал что-то неразборчивое. Может, приветствие, может, вопрос.

Ведьма остановилась и заговорила мягко. Глубоким, красивым и слегка звенящим голосом;

– Мулы ушли. Утром вы проснулись, а их нет. Два мула ушли. Вы проснулись, а их нет. Откройте загон.

Дети смотрели на нее настороженно. Старший из овцеводов сплюнул. Ведьма пошла, продолжая говорить:

– Я открываю загон и забираю мулов. Мулы ушли, вы их не видели, они исчезли. Нас вы тоже не видели...

Старший вдруг заступил ведьме дорогу. Поднял винтовку. Ведьма остановилась, недоуменно глядя на него. Роб внимательно смотрел на овцеводов, затем понял и усмехнулся. «Ну-ну, давай».

Ведьма продолжала говорить, но на овцеводов это не действовало. Даже дети смотрели на нее с презрением, один покрутил пальцем у виска. Женщины засмеялись. Ведьма остановилась.

– Что?

Старший овцевод наставил на Аэлилу винтовку.

«Оружие? Это все облегчает». Роб выпрямился, опустил руку на кобуру. Старший замычал неразборчиво и зло, ведьма отшатнулась. Роб смотрел и видел, как палец старшего овцевода ползет к спусковому крючку. Вот, вот. В мгновение ока Роб выхватил револьвер и выстрелил. Эхо выстрела разлетелось над фермой, спугнуло овец. Мулы запряли длинными ушами.

Пуля выбила винтовку из рук овцевода, подкинула в воздух. Роб выстрелил еще раз – винтовку снесло. Кувыркаясь, она отлетела назад и грохнулась об землю.

Овцеводы не разбежались, даже не пригнулись, а стояли и смотрели на Роба недоуменно. Стрелок пошел к ним. На ходу убрал револьвер в кобуру, прошел мимо ведьмы, мимо застывших овцеводов, открыл загон, выбрал двух мулов покрепче и вывел их наружу. Мулы шли, кивая рыжими мордами.

Роб подошел к старшему. Остановился. Глядя в лицо овцеводу, сказал:

– Я их забираю.

Лицо старшего дрогнуло.

– Не стоит, – сказал Роб.

К старшему подбежал один из детей, принес покореженную винтовку. И протянул руку. Старший хотел выругать его, но увидел, что там, и застыл с открытым ртом. На грязной маленькой ладошке лежали две сплюснутые

золотые пули.

Старший открыл рот и перевел взгляд на стрелка. Роб кивнул.

- Два мула, две пули. В расчете. Согласен?

Старший закивал так часто, что чуть не упал. Роб двинулся прочь, таща мулов за собой.

- Пошли, - сказал он ведьме. Они долго шли прочь, мулы топали за ними, качая длинными ушами.

- Не понимаю, - сказала Аэлита. Она все время молчала, а теперь вдруг нарушила молчание.

- Не понимаю почему... - продолжала она.

- Он глухой, - сказал Роб.

- Что?!

Ведьма остановилась. Роб пожал плечами, усмехнулся:

- Он читал по губам.

- Правда? Но...

- Они все глухие, вся семья. Даже дети.

- Мы ограбили глухих? - Аэлита выглядела потрясенной.

Роб пожал плечами:

- А чем они лучше остальных?

Они сели на мулов и поехали.

* * *

У заброшенного колодца они остановились напоить мулов.

– Он предупреждал меня, – сказал Роб и замолчал. Он так и не рассказал ведьме о надписи кровью. Что тут скажешь? Что Мормо пугал, останавливал его... Разве мясной ком из двадцати девяти людей и надпись кровью – это повод слушать ублюдка-альбиноса?

«ОТСТУПИТЬСЯ», увидел он, как наяву.

– Я не справлюсь с ним одна, – сказала Аэлита, словно прочитав мысли Роба. – Серьезно. Я не справлюсь с ним одна, без твоей помощи.

– Вы встречались?

Ведьма помедлила.

– Однажды, – сказала она нехотя.

– Старые счеты? Мечь? – Роб ждал ответа. С таким дерьмом не стоило связываться. Роб встречал людей, захлебнувшихся мечью. Они производили впечатление живых трупов, по недосмотру выбравшихся из могилы. Мечь стоило закапывать поглубже, иначе она прорастет гнилью внутрь тебя.

– Мы были посланы правительством. Нашим правительством, – подчеркнула Аэлита, и Роб поднял руку, предупреждая.

– Только без твоего шаманского слова!

– Слова тут ни при чем. Дело в голосе. – Ведьма покачала головой. – Не так важно, что я говорю, важно как. Это моя особенность. Моя, если хочешь, – она помедлила, – магия.

Она наконец-то произнесла запретное слово. Роб покрутил головой:

– Так ты мутант?

Ведьма усмехнулась:

– А ты?

Роб помолчал. Спустя восемьдесят лет после войны уже не знаешь, кто мутант, а кто нет. Ну, третьей руки у него нет... а жаль. Сейчас бы дополнительная рука ох как пригодилась.

– Разве что по четвергам, – сказал он. Ведьма открыла рот. Кажется, он сбил ее с толку.

– Почему?

– Ненавижу четверги. – Он взобрался на мула и толкнул его пятками. – Поехали.

Несколько миль они ехали в молчании. Роб накручивал в себе злость, чтобы в ответ на любой, самый невинный вопрос, сорваться и послать Аэлиту – даже не ведьму, а просто семнадцатилетнюю девчонку, – но та благоразумно молчала и изучала горизонт. Даль багровела закатом, обещала долгий и мучительный путь. Аэлита вглядывалась пристально, иногда останавливала мула и смотрела в землю.

– Что там? – не выдержал Роб.

– Я ищу следы соли.

– Соли?

– Мормо перебил нашу карательную экспедицию в паре миль от соляного озера.

Роб посмотрел на нее. Розовый тюрбан сбился набок, она снова выглядела юной. Лет семнадцати, курносый нос...

– Хороши каратели. – Роб усмехнулся.

– Прежде сказала бы, не тебе чета, но... – Ведьма помедлила. – Ты тут, а они гниют в солончаках.

Роб сжал зубы. Вот он, подходящий момент, вот сейчас. Ну же!

– Нам с тобой не по пути, – сказал он. Молчание было ответом. Роб обернулся к Аэлите. Но той было не до него. Встав на стремянах, она приложила козырьком руку ко лбу и всматривалась в ровную, как стол, равнину.

– Там, – уверенно сказала она.

– Ты, – повторил Роб. Закашлялся, начал снова:

– Вали отсюда.

– Без меня ты его не догонишь, – просто сказала Аэлита. – Я знаю, куда он пошел, и приведу тебя туда.

– Дура, – сказал Роб беззлобно.

* * *

Белая, гладкая как стекло, поверхность озера. Постоянные ветры отполировали его до блеска.

Это озеро было меньше, чем Великое Соленое, и почти правильной круглой формы. И оно совсем пересохло – в отличие от озера в штате Юта...

Ни капли воды. Роб покачал головой.

Хоть устраивай гонки на скорость. Роб слышал, что рядом с Великим Соленым озером обосновались банды байкеров, называющие себя «Детьми Белого Сатаны». Правда, с дьяволом эти сукины дети никак не были связаны, они просто толкали наркоту и иногда грабили караваны. А вместо города Солт-Лейк-

Сити сейчас, говорят, огромная воронка, заполненная белой водой. Во время Веселого Геноцида туда эшелонами привозили и сбрасывали индейцев и мутантов, сковав пачками по десять человек. Никто не выжил, ядовитая белая вода разъедала кожу прямо на глазах. Индейцы кричали, когда вода добиралась до плоти. А линчеватели стояли на берегу и смеялись.

Говорят, одна скво до последнего держала грудного ребенка над головой, пока вода не сожрала ее до костей, и белая гладь не сомкнулась над младенцем.

А потом однажды, по легенде, белая вода ночью пришла в лагерь линчевателей и убила всех. Медведь рассказывал, вода прямо охотилась за людьми, словно живое существо. Точно растворенные в ней мертвые индейцы сделали ее настоящей краснокожей, врагом белых.

И с тех пор к развалинам Солт-Лейк-Сити никто не рискует приблизиться, даже отчаянные байкеры-наркоторговцы обходят его стороной.

Роб помотал головой и огляделся. Какое ему дело до далекого Солт-Лейк-Сити? У него есть Джек Мормо. И свое озеро. Вокруг только сверкающая под солнцем белая гладь, куда ни посмотри. Лишь на горизонте видны голубоватые силуэты далеких гор... Стоп.

А нет, показалось? Роб прищурился, остановил мула. Черные точки. Точно, там что-то есть.

- Там, - сказал Роб.

Ведьма кивнула. Лицо ее... Роб отвернулся, сердце болезненно сжалось.

Ее лицо снова было лицом Бетти. Роб не понимал, как и почему это происходит, но это снова случилось. Чертово наваждение!

Он решился и снова посмотрел на нее. Вдохнул с облегчением.

Нет, не Бетти.

- Что ты там пялишься? - спросила Аэлита. Роб не ответил.

Наконец точки превратились в развороченные, сожженные боевые машины. Бронетранспортер без гусениц лежал на боку, выставив покореженные катки. Два ржавых танка, один без башни, на борту полустертая надпись «Собственность Джесоба», уткнулись друг в друга, словно родные братья. Рядом – огромный джип «Хаммер», который выглядел так, словно его разорвали пополам...

И везде – обгорелые, вросшие в соль, останки людей в камуфляжных куртках.

Армия? Вольные отряды? Распределители? Кто это был?

Роб покачал головой. Бери выше. Это регуляторы, гвардия правительства. Кто-то (да, понятно кто) уничтожил целый отряд охотников на порождения дьявола. Джек Мормо – настоящий дьявол.

– Что я здесь делаю? – снова задал он себе вопрос.

Если уж они не справились, мутанты и сверхлюди, то что здесь делает однорукий охотник за головами?!

Пришел умирать?

«Ну и местечко я себе выбрал, если честно».

– Яяяя, челове-ек... – снова запел он под нос, – постоянной печали. – Роб знал, что не попадает ни в одну ноту. Но песня все равно ему нравилась. – Я вечный неудачник...

Они продолжали путь.

Следующая партия боевой техники. Роб остановился, слез с мула и накрутил повод на антенну разбитого бронетранспортера. Дальше лучше идти пешком. Если у Роба ничего не выйдет, мулу-то зачем пропадать? Пусть живет.

Он оглядел трупы в камуфляжной форме.

- Ты их знаешь?

Ведьма покачала головой. Но Роб по глазам видел, что она лжет.

- Когда мы встретились, ты сказала, твоя лошадь сломала ногу.

Ведьма кивнула.

- Я всегда так говорю.

- Ты была с ними, здесь?

Аэлита молчала. Зной капал на них сверху, шипел на раскаленной броне сгоревших машин.

- Почему Мормо тебя не убил? В тот раз?

Лицо ведьмы дрогнуло.

- Откуда ты... - Она замолчала.

- Ранки, - сказал Роб. - Стигматы. Ранки на запястьях - у тебя там шрамы от прежних... он и в первый раз тебя распял, верно? Они поэтому не заживают?

Молчание.

«Все-таки она очень красивая», - подумал Роб.

- Я была в последней машине, - ответила Аэлита. - Не знаю, как это случилось... Мы ехали убивать его. Думали, Мормо будет скрываться, как скрывался раньше... как скрывались все, подобные ему... И вдруг он вышел нам навстречу. Совершеннейшая глупость. Мы думали, это будет легкое дело. Он убил всех. Всех моих товарищей и друзей.

- Но не тебя.

– Не меня. Может, я выглядела слишком жалкой. – Ведьма усмехнулась. – Или... – она помедлила, – в какой-то момент мне показалось, Мормо хочет, чтобы я вернулась.

– Зачем?

– Думаю, он ищет смерти.

Роб открыл было рот, ведьма покачала головой:

– Именно так. Он хотел, чтобы я вернулась и отомстила. Я уверена. Возможно, только ради этого он убил всех остальных. Чтобы у меня был повод вернуться. Мотив.

– Ерунда, – сказал Роб.

Аэлита помолчала.

– Да, это безумие. Но тем не менее это похоже на правду больше, чем сама правда.

Роб помедлил. Надо наконец решаться...

– Ты остаешься здесь, – сказал он.

– Да пошел ты! Я пойду с тобой, хочешь ты этого или нет.

– Что?

– Я... пойду... с тобой... – выговорила она отдельно.

И тогда Роб ее ударил.

* * *

В какой-то момент Роб решил сдаться. Махнуть на все рукой. Подкорректировать курс, даже не назад – в сторону. Просто уйти, загребая песок сапогами. Убраться с этого зеркального пластика. Нет уже сил терпеть. Здесь человек жить не может. Тут жарко? Холодно? Голова звенит. Глаза набухли, налились свинцом внутри черепа, давят на переносицу, как щипцы. Не надо про щипцы! Свалить, вырезать себя из этой тупой сказки. Нет такого персонажа в этой сказке! Почему он прется убивать царя горы? Кем он, Роб Стуммфилд, себя возомнил? Охотником за самыми опасными головами?! Апостолом справедливости? Или, того не замечая, он сам стал наживкой? Сейчас поверну. Еще шаг и точно... Поверну... Нет.

Он шагал и шагал вперед.

Костяшки до сих пор саднили. Ведьма шла следом и никак не унималась. Пойдустобойпойдустобой... Он врезал вполсилы, нос хрустнул, она упала. Увидев ее лицо, он даже устыдился на миг. Она заплакала. Негромко, по-девчоночьи. Тоненько заскулила, и Роб увидел вдруг, что это его дочь ревет от жестокого, но столь необходимого наказания, и оба они согласны с ним, но обида такая глубокая, такая жгучая, она разъедает их отношения, точно белая вода, переводит стрелки с защитника, эталона мужчины на самодура и грубую скотину. «Смог бы я ударить Бетти?» – от этой мысли заныли зубы. Роб опустил взгляд и никак не мог посмотреть Аэлите в глаза. А когда заставил себя, вздрогнул. Ее лицо постарело. Роб увидел, что прежняя молодость – тщательно наведенный морок. Магия. Роб плюнул, бросил ей на колени флягу с последней водой и пошел дальше. Один.

Наверное, она могла приказать ему.

Но она этого не сделала.

– Яяяя, челов-е-е-ек постоянной печалииии, – запел он вполголоса, шаркая ногами. В соли за ним оставалась вереница следов, придет ветер и хозяйственно заполирует все. Черта лысого стала бы Аэлита ему приказывать. Или все-таки рискнула бы? Почему нет? Марионетки медленные, плохо шевелятся, поговорить не о чем. Медведь так больше молчал. Эх, Медведь, Медведь. Роб на миг испытал угрызения совести. Он жив, а охотник – нет.

Роб вошел в лес костей, обтянутых высохшей кожей, ветер скрипел, прорываясь сквозь коридор из соленых рук. Они приветствовали его бессмертным салютом, отдавали честь, пробивали бронированные хребты и панцири убитой техники. Роб шел и видел нечто знакомое во всем этом, какую-то последовательность, некий текст. И этот текст уничтожил тайну, взорвал ее изнутри. Все стало предельно ясным. «Татуировки», – подумал Роб. На всех руках, что торчали из соли, ветвился такой же рисунок, что и у юной индианки. Он же, теперь Роб не сомневался, прятался в рукавах ее дряхлой бабки...

Роб пошатнулся, как от прямого удара в челюсть.

Его заманивали. Им управляли.

Что бы он ни делал, как бы ни вилял, дорога ему была выстлана одна – к мертвому озеру. Искать гибели или победы в схватке с чудовищем по имени Джек Мормо.

Аэлита из них?! Но он же видел ее руки?

Роб встал как вкопанный.

Сроду он не делал того, под чем не подписался.

Это не его война. Джек Мормо – не Шустер Грейп, не один из тех ничтожных ублюдков, чья смерть стоит денег. Роб вообще не должен быть здесь! Голова зазвенела еще сильнее. Роб помотал ею, пытаясь избавиться от звона, хлопнул ладонью по затылку – в темя будто вонзилась соляная игла. Черт. Черт.

Он должен быть дома! Бетти больна! Две тысячи долларов!

Лицо Аэлиты плыло перед мысленным взором, отодвигая образ Бетти. «Он ищет смерти», – шептали ее губы так убедительно, так правдиво. Как же давно он не видел дочь. Какое мутное, расплывчатое стало у нее лицо. Бетти! Он ее почти забыл. Бетти! Что за черт?! Бетти! Вселенную затопило лицо Аэлиты, огромное, белое, как луна.

Роб вспомнил их первую встречу. Ее крики за окном. Она взяла за душу даже Дюка.

Тогда почему он решил, что у нее не получилось использовать голос? Почему он, Роб, действует, как марионетка?! «Развернись и беги, – сказал он себе голосом «уокера». – Развернись и беги».

«Да, – решил Роб, выдирая себя из соляной трясины. – Бежать со всех ног, вырваться из ловушки, бросить эту чертову обреченную погоню за Дьяволом».

Он почти повернул...

Но тут из-за перевернутого бензовоза выскочила стайка полуголых детей.

Роб напрягся: от запястья до локтя по их рукам змеились знакомые узоры. Подобное притягивается подобным. Серьезно и молчаливо дети кинулись Робу в ноги, попытались облапить и повалить... От внезапности этой атаки стрелок растерялся, подпустил тварей слишком близко.

И едва не поплатился за это.

Инстинкт повелел переступить ногами, не дать вцепиться в колени. Роб врезал одному из нападавших рукоятью «уокера» в висок, другому – в затылок, с силой пнул третьего сапогом, четвертому мальчишке наступил на руку, сморщился от хруста мелких костей. Нет, Роб, не залипать! Дергаться, отпрыгивать, вырываться, менять позицию, сдирать с себя назойливых пигмеев. Кровь бурлила в жилах.

Вожак увернулся от удара Роба, перекатился через голову, посмотрел на стрелка с земли, раскрыл узкую, длинную, как у акулы, пасть и напал.

Тысячи зубов. Роб похолодел. Щель, полная заостренной смерти, растягивалась и становилась все больше и больше – пока не сомкнулась на левом плече Роба. Тот, как зачарованный, уставился на эту невозможную, невероятную хрень.

Боль.

Мальчишка вырвал из его плеча кусок мяса – с фалангу большого пальца. Ноги пронесли мальчишку дальше, он проскочил несколько шагов, упал на четвереньки и, мотая головой, словно варан, принялся жевать. Роб смотрел, замороженный, как исчезает в темной глотке этой пародии на человека фрагмент его живого, дышащего тела.

Мальчишка повернулся к Робу, урча.

Теперь Роб сумел его разглядеть. Лицо монстра наискось пересекала глубокая, кое-как заштопанная рана. Треугольный лоскут, что заменял ему нос, держался на разлохмаченных нитках и был синим – то ли взятым от трупа, то ли просто куском негритянской кожи. Из-под лохмотьев, бывших некогда курткой от песчаного комбеза, торчали обрывки бечевы, жуткие бугры мышц не скрывали громадных суставов, тут и там кожу прорывали костяные наросты вроде рогов, кое-где кожа каннибала была собрана на скрепки, в другом месте на алюминиевую проволоку. Удивительнее всего смотрелись его татуировки, свежие, яркие, еще кровоточащие, пятнающие шкуру, как заводское клеймо, не делаая различия для белой или черной кожи.

Но Роб отвлекся. В висок летело огромное, острое, Роб мгновенно упал на правый бок, кайло свистнуло над головой. Ударивший разочарованно взвыл, инерцией его повернуло вслед удару. В следующий момент сильным пинком Роб раздробил нападавшему колено. Хруст. Мальчишка выронил кайло и рухнул в соль, но боли словно не почувствовал – резво повернулся к Робу и пополз, волоча изувеченную ногу. Черт, да что ж такое...

Роб вскочил на ноги, подхватил кайло и с размаху пригвоздил тварь к соляной поверхности. Хватит с тебя?

Мальчишка рычал, выл, но продолжал тянуться к Робу.

Роб отодвинулся и невольно застонал. В рану на плече во время падения попала соль, теперь она проедала стрелка насквозь. Зато дезинфекция. Он увидел, как мальчишка-каннибал дожевдал кусок мяса и снова идет к добыче. К Робу. Остальные монстры группировались для атаки.

– Ну, хорошо, – сказал Роб. Он расшвирился всерьез.

Вскинул револьвер...

Вспышка.

Стрелок увидел ее отражение в зрачках мальчишки. В следующее мгновение шарик сорок пятого калибра отбросил падаль от Роба. Чудовищным золотым пинком.

Древний револьвер вспомнил, что такое – убивать.

Как и сам Роб.

И им обоим это понравилось.

Накатило спокойствие. Ледяная безразличная уверенность, которая появлялась у Роба в минуты боя.

Пожалуй, такой космической пустоты вокруг Роб не испытывал со времен Мексиканской войны...

Револьвер бился в руке, отдавая накопившуюся ярость. Черепа детей-чудовищ лопались, как тыквы в Хеллоуин. Внезапно Роб ясно увидел, как они мальчишками швыряли камнями по тыквам, выставленным вдоль заборов. Точно так же они разбрызгивали оранжевый яркий сок.

Роб выстрелил. Ребра вылетели из груди мальчишки, как кегли. Роб вспомнил: в детстве у него был игрушечный боулинг, но не было шаров, они с братом постоянно колотили кеглями друг друга. Воспоминания крючками тащили друг друга из памяти.

Вот они с мальчишками пошли на дамбу, охотиться на рыбу: крупные тушки сами выбрасывались на берег, ползали на неуклюжих подобиях лап, рыли червя, жрали все подряд, как диковинная речная саранча. Ветки, мусор, полиэтиленовые пакеты, все шло в топку их пастей. На солнце чешуя с рыб облезала, и были они жуткие, костистые, розовые, в разводах мазута, гремящие

Гейгером, но мальчишки плевать хотели на радиацию. Они подкарауливали рыб с обломками досок и лупили, глушили, переворачивали и протыкали заточенными о бетонные плиты электродами, а потом коптели на крышах баков, в которых варился битум. Слаще той рыбы было не найти.

Барабан опустел.

Роб опустил дымящийся «уокер» и приготовился отделать выживших кулаком и пинками. Уцелевшие монстры вдруг побросали пруты и вилы, дружно завывали и исчезли среди надгробий бульдозеров и грузовиков. Передышка, внезапная, как нападение, застала Роба врасплох.

Он помедлил, не веря. Неужели всё? Затем, зажав обрубком, попытался перезарядить револьвер. Неловко коснулся оголенным стволом культи и замычал – обжегся. Пальцы не слушались, карманы стали узкими, патроны упрямились. Пули капали в песок, как слезы.

Рыбы он наколотил предостаточно.

Твари погибли не сразу. Одному пулей оторвало ногу, тот ползал по песку и шипел, другого почти обезглавило. Мальчишка полз по соли, волоча за собой полуоторванную голову, она стучала ему о спину; провода, которыми голова крепилась к туловищу, искрились. У других отродий висели надорванные руки, зияли пробоины в телах, откуда густо капало синее масло. Один силился запихать в прореху на животе комок внутренностей, перевитый гирляндой для рождественского древа. Гирлянда внезапно закоротила, и мальчишка вспыхнул, вскочил резво и принялся носиться вокруг Роба, кашляя черным дымом, но совершенно беззвучно, как машинка на дистанционном управлении. Он метался туда-сюда, а Роб стоял, изумленный, рискуя в любой момент столкнуться с чем-нибудь еще более странным и жутким. Наконец мальчишка с разгону врезался в ржавый бронетранспортер, отлетел, упал, но еще несколько минут возился в соли, пытаясь подняться, скреб пальцами, вздрагивал, точно хотел задрать голову и поглядеть в глаза Робу Стуммфилду, стрелку, который заварил весь этот кромешный бульон.

Остальные мальчишки кончились незаметно.

Просто застыли и омертвели глазами. Ветер шелестел сквозь их раны, заставляя раскачиваться руки и ноги.

* * *

Вместе с ветром пришел скрип.

Сначала он звучал, как прелюдия, вкрадчиво, будто случайно. Он прилипал к обычным звукам мира, крался за ними и делал их тревожными, жуткими. Роб скривился, по рукам прошла ледяная волна, кожа покрылась мурашками, волоски встали дыбом. Соль зашипела. По трупам машин проскочила шустрая лиловая молния. Воздух затопило озоном. Пальцы перестали дурить, патроны послушно легли в барабан. Ударила вторая молния. Еще одна.

Что-то приближалось.

Роб спрятался за бронетранспортер, по борта ушедший в белизну. Он боялся прикоснуться к металлу, молнии выглядели угрожающе. Соль шкворчала на разные голоса, ее голос напоминал шаги и плач одновременно. Роб покрутил головой. Звук стал страшнее мутантов, скрип выедал душу.

Роб поймал себя на желании засунуть ствол револьвера в рот, просто так, чтобы успокоиться. Ощутить вкус ружейной стали. «Кольт» такой твердый, холодный. Возьми его. Зажми зубами. Роб ударил себя по лицу рукой с револьвером, разбил губу, вкус крови привел его в чувство. Молнии рубанули еще раз, скрип наконец-то явил себя, вышел полноценной симфонией, показал во всей красе.

И Роб увидел их.

Первой выступала старуха. Ветер колоколом раздувал ее белое платье, еще более ослепительное, чем соль вокруг. Старуха хромала. Кость пронзила ее левое бедро и торчала из плоти, как древко копья. На каждом шагу нога хрустела, трещала и скребла, это она задавала первую скрипку, это ее скрип вынимал сердце и царапал душу. От этого звука у Роба внутри все сжалось. Револьвер прилип к ладони.

У женщины не было лица. Вместо него – бугристая подсохшая рана. Лицо – темную, задубевшую маску кожи – она несла в левой ладони. Правой рукой, закинув ее на плечо, она волокла за собой дочь – на поводьях. То, что это именно дочь, Роб не сомневался. Женщины все еще походили друг на друга. Обе шитые-перешитые. Ни клочка родной кожи. Черные струпья на месте стежков. Линялые, всохшие в череп глаза, неподвижные, так что им приходилось вертеть головой, чтобы высмотреть Роба.

«Бери повыше, – подсказал внутренний голос. Роб уложил руку с «уокером» на крышу бронемашины. – Она увернется!»

Выстрел.

Пуля, вихляясь, ушла с нарезов, клюнула мать в лоб и беспомощно упала у ее ног. Старуха неловко переступила через нее.

Как такое могло случиться? Роб не понимал, но старуха двигалась исключительно плавно, хотя якорь в лице дочери сильно ее тормозил.

Дочь не могла идти сама, тащилась за матерью на поводке, как собака с перебитыми ногами, падала, и тогда старуха дергала за веревку, волочила ее по соли, оборачивалась через плечо и громко шипела. Дочь поднималась. Обе выступали на цыпочках – переломанные кости ничуть им в этом не мешали – и показывали тошнотворный балет. Собранные на живую нитку тела каждой прикрывали халаты: синий мамы и розовый дочери.

«Постой, – сказал кто-то внутри Роба. – Но ведь она была в белом платье». Тот, замороженный, лишь отмахнулся и продолжал смотреть.

Освежеванное лицо женщины стало казаться ему милостивым. И знакомым. «Мама, ты недурно выглядишь». Недурно, конечно, для того ужаса, который сотворил с ней неведомый делатель. Тело старухи, изрезанное, раскрытое и заново сшитое из лоскутов, могло служить подлинной картой мук и боли.

Творилось запредельное: старуха, жуткое пугало, точно намеренно застывала в неестественных позах, изображала распятие и крестные муки, затем резко выкидывала вперед руку с маской, точно играла носовую фигуру старинного

фрегата, резко дергала веревку – дочь летела кубарем, но тоже билась о соль не просто так, а словно в жутких цирковых номерах. Вставала на лопатки, стригла ногами воздух, как богомол, а мать в это время старалась вовсю: принимала нелепые и величественные позы, указывала на небо, жестами призывала молнии на голову Роба, откидывала назад руку с маской, точно готовилась метнуть ее, как копье.

Они танцевали для него, подплывали все ближе.

Роб сделал еще одну попытку. Он направил ствол револьвера прямо старухе в лоб, до нее осталось едва ли три фута, – она запрыгнула на бронетранспортер и наклонилась к Робу. Он не мог промахнуться. Курок щелкнул, отходя на дистанцию удара. На броню полезла дочь, щелкая суставами, как кастаньетами. Эта ближе. Роб перевел прицел и вздрогнул. Татуировки! Он увидел въевшийся в плоть женщин рисунок. Опять эти чертовы татуировки.

Выстрел.

Пуля ввинтилась в лоб дочери и принялась вертеться, ездить, чертить по корке плоти спирали, спускаясь к щекам, пока не исчезла во рту. Дочь оскалилась. Зубы были, как на подбор, чистые и ровные. Дочь сжимала челюстями пулю. Блеск золота. Последний цирковой трюк.

«Это твое, – произнес голос в голове Роба. – Забирай!»

Девчонка выплюнула пулю, и та по дуге нырнула за шиворот Робу, невозможно горячая. Он выругался, едва не выронил «кольт» и попытался вытрясти огонь из рубашки. Тот провалился ниже, потек по спине, плавя кожу.

«Черт!»

Роб чувствовал, как его схватили за руки, прижали культию к соли, придавили ноги, одна из тварей села на него верхом. Его опрокинули на спину. Он видел лишь огромную линзу неба, багрово-алую, как гигантский ожог.

«Что же такого мы сделали с миром, что теперь он мстит нам? – спросил внутренний голос, но у ответа было одно лишь имя. – Бетти».

Старуха склонилась над Робом и бережно накрыла его лицо своим.

– Теперь ты готов, – услышал он ее голос, и тот расставил все по местам. У старухи было лицо индианки, которая отрезала ему руку, а ее дочери не впервой было седлать Роба. – Иди дальше.

Пылевая завеса поглотила изуродованные останки людей и техники. Перед глазами Роба клубилось мутное нечто, похожее на взболтанное мороженое или жидкую сахарную вату.

Его больше никто не держал. Вокруг распахнулась белая пустота.

Не пропали только они.

Трупы убитых им мутантов. Они обвиняли. Тела проступали сквозь соляную пелену, как черные, сгнившие острова проламывают лед, и плевать хотели на буйство зимней стихии. Они кричали: «Здесь только мы и ты! Убийца! Ты обречен видеть только тех, кого убил».

Роб зарычал, попытался увидеть что-то иное, поднес руку к самым глазам и едва не расквасил себе нос «уокером». Револьвер был с ним. Это принесло облегчение.

Роб постоял, прижав «кольт» ко лбу. Тот не охлаждал кожу, напротив, металл пылал жаром.

– В задницу, – сквозь зубы сказал Роб и пошел дальше. На ощупь.

Любые сожаления он сжег десять лет назад. Поздно играть хорошего парня.

И вообще – поздно.

Через пару шагов Роб споткнулся о тело. И начал прозревать. Белая пелена расступилась, точно из страха перед этим трупом. Женщина лежала,

вытянувшись в сторону дочери, та скорчилась в паре футов позади нее. Матери не достало буквально пары дюймов, чтобы ухватить веревку и подтянуть дочь к себе. Они умерли порознь.

У каждой зияло по аккуратному пулевому отверстию во лбу.

Роб хотел перевернуть тела, увидеть лица... но не смог.

Бросил трупы, как есть, и пошел.

* * *

Роб не сразу сообразил, что перед ним.

Внешнее кольцо из подбитой техники, тел, сросшихся с солью, оружия, скелетов животных внезапно оборвалось, и центр озера оказался внутренним кругом мишени: слепящая глаз белизна – с древней покосившейся бомбой по центру. Только она не казалась честной убийцей, скорее языческим идиолом. Серое источенное коррозией тело бомбы покрывали сотни разноцветных лент. Ветер трепал их, как слипшиеся косы безумного дервиша. Некоторые тихонько позвякивали, на концах лент виднелись бусины. Колокольчики?

Вокруг бомбы не было ни души. Из-под нее торчали странные ветки, но, чтобы их разглядеть, следовало подойти вплотную.

У Роба не осталось иного выбора. Месть нужно пилить до конца. Как ветку, на которой сидишь.

Он шагал и чувствовал, как безумно болит его левая – единственная боевая рука. Она практически отваливается, но стоит бросить револьвер в кобуру, и Роб станет никем, мошкой, Мормо прихлопнет его пустой ладонью. «Он и так меня кончит», – огрызнулся Роб и едва не заплакал, таких усилий ему стоило просто нести револьвер в опущенной руке.

Обернись!

Роб неловко упал и перекатился через здоровое плечо, надеясь, что соль не забьется в ствол «уокера». С колена выбрал прицел и замер. Рядом с бомбой стоял Джек Мормо. Роб видел его в первый раз.

* * *

Они стояли, несуразно отличные друг от друга:

Нервный, ничтожный, фасоленое зерно Роб, на одном колене, до скрипа сощурил глаз, через тридцать миль вытянувшись клювом аиста, в руке не «кольт», а жертвоприношение, все тело на прицеле, рука не дрожит, но в груди оцепенение, тягучая кислота заполняет жилы, обрекает сомнением...

И громадный, накрывающий тенью ярдов двадцать Мормо, понурый, опустивший руки, в огромном бежевом плаще-пылевике, изодранном в сотне сражений. За его спиной лежал какой-то ящик. Гроб! Взгляд Роба в одно мгновение пробежался по всей округе, запнулся о бомбу, оценил потрепанную сбрую Мормо – тот весь увешан пряжками и ремнями, сталь вбита в плоть, а рядом с ней жесть, пластик, стеклянные круги, похожие на бутылочные донца.

Джек Мормо не влезал в один взгляд. Поглощать его приходилось кусками. И всюду торчали из него жгуты, леска, бычьи жилы и проволока, которыми собрали гиганта на живую, да так и выпинали на свет Божий, рты шить, детишек пугать.

Глаз Роба блестел неестественной синевой, вроде не мертв глаз, а будто стеклянный. В тон ему сверкала синие очки Джека, холодные, злые.

Мормо собирался продать себя подороже.

Роб давал себе слово на эту встречу, и рука не подвела.

«Уокер» уставился в живот Джека, в стык между металлом и живой плотью. Какой же Мормо огромный. По такой мишени невозможно промазать.

Выстрел.

И осечка.

– Было бы так просто. – Мормо качнул головой. Его губы покрывала сетка мелких белых шрамов. Похоже, ему зашивали рот.

«Еще проще». – Роб нажал на спуск. Боек с хрустом вышел на удар. Щелк.

Осечка.

Не может быть. Это же не автоматический пистолет!

Джек пожал плечами, широко развел руки и поднял над головой, словно молился. Кожа на лице монстра пошла волнами, рваная, обгоревшая, неряшливо собранная.

Роб взвел курок. Барабан подставил новый капсюль.

– Молюсь за тебя, – прошептал Мормо и замер неподвижно.

Щелк. Осечка! Щелк. Осечка.

– Хорошо, – сказал Роб, но револьвер не опустил. «Поучи меня, праведник, как падших ангелов истребляют?» – вспомнилось вдруг. Был у них в армии один отмороженный тип, Асsegай Смит... Когда убивал священников-мексов, всегда так говорил. А остальные смеялись. Больше всего на свете Асsegай любил убивать священников.

«Я тоже смеялся».

– Мама не очень страдала, а вот сестра ужасно, – сказал Мормо.

Роб скопил глаза на старуху с дочерью – они здесь? – и обнаружил, что соль заключила их в идеальный бриллиантовый саркофаг, затянула предохранительной пленкой. Под ее саваном они лежали безупречные, беспечные, святые.

– У тебя ее лицо, – продолжал Мормо, – мамы. Поэтому мы вообще говорим с тобой. Мы, считай, родственники. Не по крови, так по коже. Ты уж не подведи. Не становись таким, как я. Тяжело душе в мертвом теле.

– Это все? – спросил Роб. Он поднял револьвер и вдавил себе в лоб. Боль, как всегда, помогала.

Мормо покачал головой. Скрежет.

– Ты побежишь, но останешься на месте. Соль расплавит время, и ты захлебнешься им, застынешь, как в янтаре, и мысль мееенно станет рваться наружу. Но на ее зов никто не придет. И тогда ты прозреешь.

– А если вот так?!

Роб подскочил вплотную, вогнал ствол револьвера Мормо меж ребер. Где там твое черное сердце? Щелк. Осечка. Идиот! Пропал...

– Можно еще лучше. – Великан накрыл руку Роба своей огромной ладонью, «уокер» перетек в нее, как кипящее масло. Мормо приставил револьвер к виску, взвел курок. Воздух сочился сквозь зубы чудовища с тихим свистом. Джек Мормо зажмурился и в три секунды отщелкал весь барабан себе в голову. Без толку.

– Не мы здесь решаем. Она! – указал стволом на бомбу, и тут же грянул выстрел. Роб мог поклясться, что Мормо не нажимал на спусковой крючок, но пуля радостно срикошетила о корпус бомбы, ободрав с нее пласт заржавленной коры. На темном металле проступила алая капля.

– Нам положен разговор, – гигант наклонился к стрелку и протянул ему «уокер» на открытой ладони, – потом попробуешь меня убить. По-честному. Так завещано.

– Меня прозвали хозяином змей, хочешь узнать почему?

Роб не хотел. У него ныли зубы, и главным его желанием было отлить. «Дойди до машин, – твердил он, – они совсем близко, там найдется щель, закоулок, дойди до машин. Там сделаешь все свои дела».

Мормо бесцеремонно схватил Роба за плечо и развернул. Не так уж далеко стрелку удалось уйти. Джек сбросил плащ, большая часть чужеродных пластин валялась у его ног, по груди бежали черные арабские потеки крови. Черт! Да это же татуировка. На глазах у Роба ее завитки и линии ожили. Они превратились в десятки голов, хвостов и туловищ. Змея, сотканная из дыма, грязи и нефти, нырнула под кожу на груди Мормо и вынырнула из-под ключицы. Синие очки больше не сверкали. Джек Мормо стоял тусклый и смертный. Тело его кишело змеями. Позади лежал гроб, припорошенный солью.

– Давай. – К ногам Роба, крутясь, подкатился револьвер. – Пора.

Ттт, – затрещал воздух, позволяя. Роб наклонился и подобрал «кольт». Пора было приниматься за дело.

* * *

Роб молча смотрел, как Мормо подтягивает свой гроб, садится перед ним на корточки и откидывает крышку, небрежно, привычным жестом пианиста, вышедшего к инструменту.

Солнце облило сцену нестерпимым жаром, погрузило в кипящее масло, зажало меж двух листов оргалита. Мормо собирался, снаряжал свои агрегаты, кряхтел и подкручивал. Роб стоял, заледенев. Сейчас это случится. Джек поднял на него глаза. Он снял очки! Сперва Робу показалось, что глаз у того нет – две багровые раны, но потом он вспомнил: «Не смотри ему в глаза! Так глядит сам Дьявол!»

Джек Мормо выпрямился и оказался громадиной, выше десяти футов, ноги его вытянулись, как гофрированные ходули, он покачнулся, пальцы его удлинились, они сжимали рукояти невиданной машины, Роб отказывался верить своим глазам. Так вот почему иглы! Его швейная машина стреляет, как пулемет. Мормо

поднял ее из гроба легко, двинулся на Роба, но не вперед, а танцуя, обходя по кругу, руки все время дергались, стригли небо, и только по звуку рассекаемого иглами воздуха Роб сообразил – началось!

Правое плечо распорол острей рассыпчатой болью. Роб выстрелил туда, где мелькал Мормо, но пуля застряла в воздухе. Она билась, ввинчивалась в желе, в которое превратился воздух, кусалась, но двигалась рывками. Мормо тысячу раз мог уйти от нее, он даже изгибался, репетируя это па, но пленка внезапно порвалась, пуля сбита с его груди металлическую пластину, а Роб заорал от докатившейся боли. Иглы торчали из его плеча, как у дикобраза.

Роб попытался нырнуть за бомбу.

Джек Мормо ждал его там.

Втрк-втрк-втрк-втрк! – окатило очередью спину. Роб зарычал и упал лицом в соль. Какой нелепый конец. Он лежал, зажмурившись, ощущая, как соль мельче пудры с каждым вдохом врывается в его ноздри, как она дерет глотку, как гремит кровь в висках, лишая права на капитуляцию, как мозг требует драться, выжить любой ценой, но Роб лежал, не открывая глаз. Сдавался.

Ничего не происходило.

Роб поднял голову, но Джека рядом с ним не было. Роб перекатился на бок, отщелкнул барабан и лихорадочно, звякая «уокером» о соль, вытряхнул из него гильзы. Сел, зажав ствол меж коленей, и принялся набивать его патронами.

Пекло немилосердно. Роб утирал пот со лба, тот выедал глаза, застил обзор, пробирался в каждую ссадину и грозил сожрать заживо. Это чувство ему понравилось: «Я все еще жив».

На Роба напозла густая тень, он дернулся, отползая, бессмысленно дернул стволом, попытался закрыть барабан. Из-за бомбы показалось лицо, гибкое и изогнутое, словно тянучка. «Я брежу или это эффект нагретого воздуха?!» Щелк. Револьвер вышел на боевой взвод. «Какая странная у него шляпа!» – не вовремя

удивился Роб, срывая курок. От грохота он зажмурился, это был не выстрел, а нелепость, издевка перед строгой стрелковой наукой, но «уокер» не подвел. Пуля влепила Мормо оплеуху, его отбросило назад, закрутило, перевернуло, руки и ноги сплелись в беспорядочный ком. Убийца завыл. Его машинка глядела в воздух, поливая низкое холщовое небо без тени ссадин от облаков длинной струей игл. Они дождем звенели о соль ярдах в сорока от них. Мормо ревел, как грузовик, севший на брюхо.

Роб кое-как поднялся. Пришлось опереться на револьвер. Пусть он забьется солью, тогда Роб прикончит ублюдка рукоятью, измордует до смерти. Барабан щелкнул, новая пуля уставилась на Мормо из ствола. Тот ходил ходуном. С дрянью нужно было кончать. Роб перехватил «кольт» и тут же опустил. Рука тряслась. «Пожалуйста! – они так близки к развязке. Роб смотрел на «уокера», и ему казалось, что они друг друга понимают. – Нам пора на покой. Тебе и мне».

Когда Роб поднял глаза на Мормо, тот уже ухитрился подняться на ноги. Его качало. В груди дымился тоннель размером с ладонь Роба. Первый выстрел не прошел для злодея даром, открыв лазейку для второго.

Они стояли друг напротив друга. Роб истекал кровью из десятка мелких, но глубоких ран. Мормо не показывал виду, что пробит навылет, и как только стоял? Два револьвера без бойков. Орудия, а не убийцы. Ни один не хотел наступать. И тут Роб увидел, чего Джек Мормо ищет на самом деле.

* * *

Ссадина глубокая, жирная, щедро резанул, чуть не до кости. Рана ползет по краю ладони, кожа размахрилась, и никак ее не зажать, только стиснуть другой рукой и бежать домой. Но я сижу. Дышу сквозь зубы, хрен ему, а не слезы!

Я смотрю, как капли частят в банку, свинцовые, быстрые – прямо на червей, а те извиваются, мешают кровь с грязью, ехидничают: «Бо-бо, мальчик? Расплачешься, принцесса?»

Это не черви. Папаша смотрит в упор, рот приоткрыт, наружу гниет его поганое нутро. Вот и сгнил бы вконец! Закидали бы тебя камнями в расщелине, а то и вовсе отдали кротам, пусть отравятся, сволочи. А ему хоть бы хны. Скалится,

старый ублюдок. Вовсе он не старый, просто запаршивел весь, истаскался. Мать бьет, пытался пить разбавленный тосол, но живо опомнился, когда двое суток выхаркивал наружу кишки. Всему виной бенз. Не на что сменять горючку. Пару канистр, чтоб выгнать трейлер из каньона и вдарить сотню миль. Хоть куда! Ублюдок нипочем нас не догонит. У него колени, сам ноет каждое утро. Колени. Ногами гвоздит, что твой страус. Переломать бы ему сперва эти колени, молча запереть мать и сестер, пусть кричат, стучатся, а сам газу, газу! Потом объяснимся.

Папаша ковыряет ногтем в зубах и ждет. Другой рукой он отгибает крышку банки, о которую я обрезался, стучит ногтем, ему нравится, как черви копошатся в крови.

Не дождешься. Дурею от жары и боли, отворачиваюсь, сжимаю пальцы, силясь удержать кровь в кулаке.

Папаша щерится, творит указательный палец крючком, цепляет им меня за угол рта и тащит на себя. Рыболов, сука!

– Бо-бо, крошка? Что нос воротишь? Чего воротишь нос от отца?!

Так хорошо начиналось, следовало сразу заподозрить подляну. Дерьмо не воняет, пока не вылезет. Рыбалка – такая простая штука. Ясный день, два весла, лодку перевернули с вечера, удочки, папаша выволок откуда-то ломаный спиннинг, залечил скотчем, все пел: «Мы с тобой вдвоем, как я с батей!» – а я, кретин, поверил – опомнился, поговорить хочет! С сыном решил день провести. Папаша сперва не задибался, вместе стащили лодку на воду, он греб – все-таки скотина еще куда сильнее меня. И вот мы на середине озера. До берега ярдов пятьсот. Сдохну как пить дать.

– Меня отец, знаешь, как воспитывал?! – с места в карьер рушится гад, хватает за челюсть, дергает к себе. От неожиданности ляпаю большой рукой о весло, вцепляюсь в него, но папаша легко отдирает от борта и швыряет на дно. Зверски рублюсь хребтом о доски, давлю спиной банку, та плющится, черви летят во все стороны.

Папаша доволен, нашел новую игру.

– Собирай.

Не сразу понимаю, о чем он.

– Собирай червей, выпердок.

Ласковый какой, обычно сразу по яйцам или в грудак.

– Другой рукой! – шипит папаша, водянистые его глаза стремительно белеют. Пока в них кипит ярость, я спасен, но если они застынут двумя соляными озерами – мне конец. Я реву, как девчонка. Папаша гогочет, глядя, как я сгребаю червей, купаю их в кровище, неуклюже пытаюсь выправить замятую банку. Рвануть бы жестянку вверх, кромкой по горлу, потом под колени и за борт! Ну же! Ну!

Над головами проносятся и уходят в точку самолеты. Я вижу два следа, которыми они рвут небо в клочья. Эти порезы похожи на дырку в моей ладони. Папаша их пока не видит. Он наслаждается моим унижением, и тут налетевший рев швыряет его на колени.

– Сукины дети! – ревет папаша, грозя кулаком распоротому небу. – Дебилы! Засели в своем Чарльстоне. Или где вы там?! В Саванне? Дай мне волю, я бы вас всех перевешал. Уроды! Мать вашу имел во все дыры. Где вы были, когда я гнил под фортом Сантерн?!

Он унимается столь же внезапно, как начал. Садится, достает с пола удочки и принимается разматывать леску. Ухмыляется, пихает меня ногой. Слушай, дескать.

– Кретины, – начинает он свою излюбленную лекцию. – Ни на что не способные недоноски. Если бы я протирал зад в их креслах, я бы уже выжег напалмом логово этих ублюдков. Война! Хрен на. Танками заполировать то, что останется после бомбежки. В логово – термояд. Они, говорят, засели в шахте глубиной в милю. Зачем мы клепали эти чертовы ракеты, если теперь не используем?! А таких бедолаг, как мы, – папаша корчит жалостную мину, – расселить по новым городам, они ведь их строят, только для себя! Дал бы нам дом вместо этого дряхлого говна на колесах.

А то ты забыл, что мы тут из-за тебя! Дом поджег, сбережения матери пропил, вляпался в историю с ограблениями на железной дороге, и ладно бы сам грабил. Хранил в погребе ворованные швейные машины! «Первоклассный товар! Мы на них поднимемся!» Эта рухлядь?! В итоге сбежали сюда, в глушь, где картошка дороже бензина, а это швейное дерьмо никому даром не нужно, полтрейлера им забито.

– Давай червя, – командует папаша. Беру извивающуюся тварь двумя пальцами, ищу взглядом его ладонь.

– Червя, – как больному повторяет мне отец и тыкает в лицо крючком. – Нанижи.

Тянусь к крючку, и тут он роняет его на пол. Ржет надо мной, заливается, хлопает по коленям, гогочет, разбрызгивая слюну. У него лицо безумной обезьяны, глаза сощурены, дикие, он щелкает зубами, вцепляется в борта руками и начинает раскачивать лодку.

– Подбери, сучонок, чего замер?!

Меня швыряет по всей лодке. Я нагибаюсь и получаю ботинком в лоб. Крючок, который я успел подхватить, пронзает больную ладонь, ублюдок тащит за леску, точно вытягивает рыбину.

– Цоп-цоп-цоп-цоп! – горланит папаша, потешаясь надо мной. – Бо-бо, маленький? Чего упал, крошечка?

Я подхватываю банку с червями и запускаю ему прямо в рожу. Жирные, скользкие, омерзительные твари летят за пазуху, один ныряет прямо в хохочущую пасть. Банка рикошетит за борт. Старик давится, начинает перхать, похоже, проглатывает червяка.

Я примерзаю. Мне не до шуток.

Мгновения тикают, проходя сквозь меня, как смертоносные лучи.

Соль выбила разум из глаз папаши. По его венам мчит цепная реакция. Он уже взорвался, но еще не знает этого. Это знаю я. Сейчас он меня прикончит.

Тик-тик-тик. Замедляясь, рокошет сердце. Хапает глоток крови и останавливается. Бом!

Весло сносит мне челюсть. Я лечу, разматывая длинные ленты крови по всему свету.

Я – сломанный спиннинг, я заношу удилище высоко в небо и цепляюсь за него крючками. В небе – мое единственное спасение. Там уже брошено зерно, из которого я смогу прорастить древо. Раскаленное, восставшее от дна мира до самой стратосферы. Моя голова – расколотый пополам арбуз. Из нее струями рвутся в небо руки, сотни, тысячи хватких щупалец, которые не дают семени вырваться, выдирают его из подбрюшья стратегического бомбардировщика. Глаза смотрят в разные стороны, и внезапно я подмечаю: у папаши из носа торчат снопы седых волос, целый лес доисторического хвоща, ветер носит их, как течение водоросли, поры на его выпуклом неандертальском лбу черные, глубокие, как шахты, копни глубже – найдешь серебро, рука, которой он на отлете сжимает весло, пробита множеством неудачных попыток поменять иглу в швейной машине, те ненавидят его и боятся, неизменно впиваясь в руку, как злая сука, охраняющая щенков, ворот его рубашки помнит другую машину – стиральную, на нем разводы скверного ополаскивателя, они похожи на письменность древних майя, ткань рубчатая, хорошая, такой теперь не ткют, но нынче в ней завелись крохотные, меньше песчинки, твари, они жрут папашу поедом, вся шея у него в глубоких тоннелях, куда они откладывают яйца, а те обращаются в длинноносых личинок, прорываются в капилляры и дохнут, налакавшись дрянной папашинной крови, в вырезе рубашки я вижу рог его татуировки – старик мечтал стать музыкантом и посрамить Короля Элвиса, набил себе саксофон, я замечаю мельчайшие выщербины в досках лодки, это Гранд-Каньоны, там свой космос, кое-где завелась жгучая плесень, палит костры и собирает войска на битву, я вижу, как мох всплескивает руками, прячется от грядущего всежигающего пламени, смертоносной ударной волны, уключины внезапно чистые, намасленные, я удивляюсь им, продолжая тарашиться на мир, раскрывая его невероятной круговой панорамой, расшатывая, выдирая здоровый зуб, развинчивая диким, запредельным усилием болты в бомболуке, выламывая его с прицелом, упреждением, как стреляют по мчащей лошади, чтобы самолет, идущий на сверхзвуке, выронил свою посылку не там, куда был отправлен, а строго мне на голову.

Я так сказал. Я так убиваю.

Я слышу, как глубже уходит рыба в слепой попытке спастись, как зверье прядает рваными ушами, чует грядущую напасть тонкой струной, предвещающей землетрясения и пожары, как ветер давит потоки к земле, готовясь смести огненным рыком миллионы тонн песка, спрессовать его, запечь, озеракалить, как сворачиваются в пружины черви, зарываются в дно мельчайшие твари, рачки, улитки, стонет трава, порывая с корнями, лопаются от грядущего кошмара кора на деревьях, а мать, унюхав беду, разлитую в воздухе, подходит к окну, отдергивает шторы, но ей видно лишь стену каньона, потеки красной глины и копошащихся сестер, ищущих красивые камушки, но озеро всего в миле от них, а на озере мы. В эпицентре ада.

Глаза папаши, медленно, от края, подергиваются коростой, соляное бельмо зарастает их, перекидывается на шею, сползает под рубашку, торопится. Батя хрипит, тянет ко мне руку, я вижу его зубы, они выкрашиваются из пасти, а нос проваливается внутрь черепа, открывая дикую, полную кипящего алебастра жуть. Следом лопаются глаза, в воздухе повисают два соляных фонтана. Время издыхает. Тик-тик-тик. Сердце тараном бьет в ребра, эхо от его удара звучит не меньше минуты, отдаваясь у меня в зубах. Лежу на спине. Смотрю на дно бомбы. На нем любовно нарисованная зубастая пасть. Она приближается, силится проглотить меня, расплющить. Бомба ухмыляется, как умалишенная. Она счастлива, через миг она вскипятит это озеро, расколет твердь и пригласит атомы на танго. Безумная малышка.

И сейчас она взорвется. Миг оргазма так близок. Реакция силится набрать критическую массу, но я вцепился крепко, миллион раз наматываю цепь на кулак, рву и оттаскиваю. Бомба скулит.

Соль перекидывается на лодку, я слышу хруст, с которым она поглощает дерево, кости, облепляет металл. Бомба буквально в метре над лодкой. Ее движения расслаблены. Неумолимы. Она встречается с головой папаши, вминает ее в шею, женит с грудной клеткой. Папаша сложен из соли, он обнимает бомбу, целует ее своей кристаллизованной плотью. Старика давит ниже, закаменевшими ногами он выталкивает меня из-под бомбы. Никаких чудес. Голая механика. Лодка расседается, шпангоут торчит, как вскрытые ребра, как раскрывшийся бутон. Папаша не в силах расстаться с возлюбленной, бомба вминает его все глубже, все настойчивей. Меня под ней нет. Я выскользнул, соль тащит за шиворот, катит по ослепительной, отполированной глади. Соль мчит быстрее времени. Она уже поглотила озеро и врезается узкими когтями в берег, раздирает его.

Папашин шейный платок. Вот в чем дело. Соль не совладала с ним. Он чистый и яркий, как пятно свежепролитой крови. Я смотрю на порезанную ладонь, рана заросла грубой коркой. Ничто не спорит с солью здесь, кроме этого платка.

Он с удовольствием покидает скелет папаши. Платок жжет мне руку. Нужно срочно куда-то его пристроить.

«Тик!» – предупреждает бомба. Рана на руке распахивается. Она молит меня предать соль, обмотать платок вокруг шеи и принять судьбу человека. «Хрен тебе!» – это я подумаю после, когда электричество замкнет нужные синапсы, а пока хватаюсь за стабилизатор малышки, подтягиваюсь на здоровой руке, взбираюсь на горб бомбе и начинаю приматывать платок к ее хвосту. Ветер выхватывает платок у меня из рук, плещет, тот оставляет в теле ветра глубокие раны, и он воет, спохватывается и пытается убежать.

Поднимаюсь на бомбе в полный рост.

До трейлерного парка миль, он спрятан в каньоне, но я вижу сестер и мать, застывших в ожидании ударной волны, их лица смазаны, они страдают предчувствием смерти. Так нехорошо. Спрыгиваю и иду в сторону дома.

Порванные страхом родные.

Стоит их починить.

* * *

– Хочешь знать, почему я это делаю? – спросил Джек Мормо, но Роб не дал ему продолжить.

– Не хочешь?.. – Мормо не успел договорить. Пуля вырвала ему височную кость. Джек Мормо пошатнулся, попытался поднять руку. – Что у меня с головой? – осел на колени и опрокинулся на спину.

– Нет, – сказал Роб.

* * *

«Смог бы я так же ударить Бетти?»

Роб издалека услышал плач. Кричала девчонка. Роб подошел сзади, его никто не видел, но и он не мог разобрать ничего по ту сторону спин, плеч, склоненных голов. Он втянул их запах, пот смешался с густой бензиновой вонью, так пахнут не люди – озверевшие машины. Он ничуть не жалел девчонку. Добыча принадлежит охотнику. Но есть приказ майора – выживших согнать в барак, поэтому Роб выстрелил по верху голов, а когда все присели, принялся прокладывать себе путь пинками, а кое-где и ударами рукояти. Порядок и правила, вот что делает этот сброд подобием людей.

С холма поселение напоминало старинный замок, только вместо башни торчала труба перегонного завода, а крепость заменяли проржавленные баки.

Вольный отряд послали проверить слухи о тайной заправочной станции, снабжавшей байкеров горючкой, и вот они нашли. Им тоже пригодились бы бочки с бензином. А тех оставалось не меньше дюжины, если не соврал местный. На его месте Роб не стал бы врать, если бы ему сняли скальп и кожу на руках. Местному, считай, повезло: когда увидели трубу завода, тут же пустили пулю в лоб.

Всю ночь шел дождь. Отряд вышел к заводу, все по уши вымазались в грязи пополам с бензином. Кожу ело. Повозки с лошадьми пришлось бросить за холмом.

Они окружили поселение редкой цепью. Единственным их преимуществом было пять утра. Солнце еще дрыхло за горизонтом, а они, невыспавшиеся и голодные, уже пришли творить злые дела.

Дольше всех сопротивлялась охрана завода. Судя по всему, у них там стоял пулемет. На охрану пришлось истратить последние осколочные гранаты. Там что-то вспыхивало и громыхало, потом удалось подорвать что-то значительное, труба накренилась и рухнула вдоль центральной улочки, чудом не зацепив цистерны с бензином. Завод им был ни к чему. Они пришли за топливом.

Робу до этой возни не было дела. Он аккуратно взял свои дома, тех, кто сопротивлялся, расстрелял, прочих связал и согнал в общую кучу. Потом пошел ставить палатку, пока к нему не прибежали от босса и не попросили разогнать беспредел. Роб прошелся по городу, утихомиривая буйных и напоминая о правилах Вольного Отряда.

Теперь вот эта девчонка.

Роб взял ее за плечо, она почти ничего не весила, мышь, а не девчонка, и почему-то отвел к себе в палатку, а не в барак. Ему показалось, так будет лучше.

Роб всегда ставил большую армейскую палатку. Жить в захваченных домах, среди свежих пятен крови и чужих разбросанных вещей ему претило. Роба уважали и боялись. В конце концов, он один прошел Тропой Мертвых и привез донесение во время битвы на Пяти Холмах. Облезлый пес войны, все дела. Никто не лез к нему. У каждого – свои странности.

– Как тебя зовут? – Роб сел подальше, всем видом показывая, что не тронет и пальцем, хотя стоило промыть и перевязать ее ссадины – одна скверно выглядела, – но не сейчас, всё потом. Девочка забилась в угол, прижала кулаки к груди и не выпускала Роба взглядом. Она напоминала паучка, который задирает лапы, стараясь выглядеть выше и более грозно. Девочка и не думала сдаваться.

– Пе... ти, – пробурчала она в колени. Роб бросил ей одеяло, но она даже не пошевелилась.

– Петра?

– Бетти.

– Хочешь есть, Бетти? Может, воды? – Он протянул ей флягу. Бетти смотрела на него в упор, не моргая. Роб поежился.

– Ты убил мою маму?

Роб возился с мешком, доставая консервы и миски, ему потребовалась почти минута, чтобы найтись с ответом.

– Может, и я.

– Хорошо. – Девочка опустила руки, дотянулась до одеяла и укуталась им.

– Что ж хорошего?

– Ты не злой, значит, она не мучилась.

Они замолчали. Роб вытащил горелку, раздвинул ножки и водрузил сверху банку без этикетки. «Пусть нам повезет, – загадал Роб, – если там мясо или хотя бы каша, все обойдется». Но что все, не смог бы сказать даже он сам. Из пробитых в жести отверстий донесся запах тушеных бобов. Верные друзья рейнджера. Роб скривился. Все пойдет, как всегда.

Бобы подгорели, но пахли на славу.

Ели молча.

По тому, как перекатывались жилки у нее на шее, Роб понял, что девочка очень голодна.

– Чем занималась твоя мама? – попытался нащупать тему беседы Роб.

– Тем же, чем и все, – скривилась Бетти, – когда не копалась на свалке, давала приезжим.

– К вам часто приезжали? – Идиотский вопрос, к поселению подходили три накатанные дороги, это потом они растворялись в пустыне... Если здесь перегоняли нефть на бензин, то сюда наведывались пыльные банды, рокеры и прочая колесная шушера.

– Бывало. – Бетти так откровенно посмотрела на вторую банку, что Роб молча водрузил ее на горелку. Он ждал привычного бобового запаха, но консерва его удивила. «Каша, черт побери!» – Он чуть не расхохотался. Хорошо забытый вкус

исправил настроение. Даже Бетти понемногу оттаяла.

К ночи стало зябко, тонкие стены палатки едва хранили тепло, но еда их согрела. Снаружи лениво перекликались часовые. Бетти начала засыпать, да и сам Роб чувствовал, как слипаются веки.

Полог палатки отдернулся, внутрь просунулась голова майора. Роба словно ударило током. Тревога острая, ледяная, разлилась в воздухе.

– А, вот ты где! – Они были на короткой ноге. Роб знал, майор прочит его в преемники. Это чертовски много значило. В вольных отрядах часто сменялось руководство, в конце концов они были на войне. Но именно этот босс ему нравился.

– Теплая у вас тут атмосферка. – Майор пробежал взглядом по комнатке, отметил горелку, миски, вскрытые банки. Вернулся к Бетти, уставился на нее в упор. Та немедленно проснулась и зыркала из своего одеяла.

Роб молча подобрал ложку и принялся вычищать ее о полу куртки.

– Славный приз, – негромко сказал майор, разглядывая Бетти, – поделишься?

Сердце стукнуло и замерло.

– Ну, я сегодня не по этой части. – Роб попробовал отболтаться. – А разве не надо отвести ее в барак?

– До утра терпит. Так я ее заберу? – Майор никогда не отличался страстью к захваченным девицам, но эта чем-то здорово его зацепила. Он не сводил с нее глаз. Бетти вмиг окрысилась и вновь стала похожа на паучка, агрессивно задравшего лапки. Нужно было что-то сказать, как-то уберечь ребенка от поганой участи. Но банка с бобами, почерневшая, распоротая, напомнила о себе. Ты ничего не исправишь. Каша, что же ты?! Но вторая банка укатилась куда-то. Бросила его одного. Роб проглотил невысказанные слова, и они комом застряли в горле. Майор и Бетти с одинаковым вопросом смотрели на него.

Роб пожал плечами.

– Вот и славно. – Майор хлопнул его по плечу и подошел к Бетти. Роб видел, что он не знает, как к ней подступиться. Но тот не стал миндальничать, схватил одной рукой за запястье, другой за волосы и поволок из палатки. Роб услышал, как она сопит, упирается, что-то треснуло, майор чертыхнулся, и тут Бетти закричала. Комок в горле выпустил когти. Роб глотнул воздуха. Скажи уже что-нибудь! Останови его.

Роб зажмурился, стиснул зубы и попытался отвлечься от отчаянного детского крика.

– Помогите! – отчаянно голосила она. – Спасите! Спаси меня! Спаси!

Она звала его, но Роб не успел сказать, как его зовут. Он вскочил на ноги, перевернул горелку, пнул проклятую банку. Рука вырвала «кольт» из кобуры, и тут он резко осадил себя. Ты что творишь?! Это твой босс, твой брат, прошел с тобой от Великих Озер до мексиканской границы. Разве стоит маленькая дрянь того, чтобы все испортить? Кем ты станешь? Кто ты был до того, как попал в вольный отряд, а этот человек тебя заметил, сказал за тебя слово?

– Ты хочешь все испортить? – спросил Роб у раздавленной банки с бобами.

– Да, хочу, – ответил самому же себе.

Он спрятал револьвер и плеснул на руки воды из фляги. Глаза зашипало, все-таки не удалось отмыть весь бензин. Комок из горла сполз в грудь и терзал его там, сердце каждым ударом надевалось на шип. Нужно было действовать осторожно.

«Пусть сделает, что хочет, – шептала осторожность, – а потом, когда уснет, заберешь девчонку и уедешь вместе с ней».

«Да на кой черт она тебе сдалась?! – бесновался здравый смысл. – Что ты станешь с ней делать?! Построишь ферму и заведешь детей?!»

«Она сама ребенок. – Эта мысль билась флагом на ветру, звала в бой, не давала отступить. – Ребенок! Нельзя обижать детей. Что, если бы это была твоя дочь? Твоя дочь Бетти. Бетти. Бетти. Бетти».

Роб скидал вещи в мешок. Палатку придется бросить. Надо будет действовать быстро, не теряя ни секунды. Кто у них лучший следопыт? Сначала нужно разобраться с ним...

Снаружи ударили выстрелы, кто-то завыл. Что за?!

– Треееееевога! – нападение? Как не вовремя. Или как раз очень вовремя?

Роб думал на ходу, закидывая на плечо патронташ, забирая полупустую флягу.

– Тревога! Тревога! Тревога! – по тому, что выстрелов больше не раздавалось, Роб понял, что стряслось нечто другое. Если бы на них напали, пальба стояла бы до небес.

– Что? – схватил он за руку пробежавшего мимо черномазого.

– Босса убили! – задыхаясь, бешено прокричал тот.

«Босса, – сперва не понял Роб. – Майор!»

Когда он подскочил к дому, который забрал себе под ночлег майор, Бетти уже выволокли из комнаты. Десяток фонарей, трепещущая, разбивали лучи о двери, порог, ступени. Великан Джексон вздернул девчонку за ноги. Ее лицо распухло, глаза утонули в кровоподтеках. Из рта несся хрип. Бетти еще дышала.

– Кааааакккхххх?! – завопила толпа.

– В горло ему воткнула, – медленно, едва ли не по слогам проговорил Джексон, он не умел быстрее. Поднял другую руку, в ней была любимая перьевая ручка майора. Великан встряхнул девчонку. Она забулькала, изо рта хлынула кровь. – Сука.

– Пустите! – рванулся вперед Роб. Он пробился сквозь толпу, встал рядом с Джексоном. Рядом с Бетти, руку протяни, вырви ее, спаси. Бегите в горы! Лучи фонарей сошлись на нем. Роб увидел, что все ждут от него команды. Разрешения. Приказа.

– Мы не должны... – Слова утонули в неистовом реве толпы. Они ненавидели его, слюня. Им нужен был иной приказ. Они жаждали крови.

Людское море бесновалось и кипело. Фонари лихорадило, кто-то рвал ночное небо стволами, но никто не посмел пока спустить курок.

Слово взял Ассегай Смит, самый старый из всех, кто ходил с их Вольным Отрядом. Еще минуту стоял ор, волки выли, оплакивая своего жоака, но потом вой стих.

– Давай сначала, Роб, – мягко попросил Ассегай, и его глаза сказали Робу больше, чем он мог рассчитывать.

– Каша, – упал на колени Роб, он стоял перед Джексоном и умолял глазами: «Отпусти нас!» Рядом капало с двух рук: еще живой кровью Бетти и холодной мертвой кровью майора, но вслух Роб повторял только. – Каша, каша, каша, каша.

Толпа безмолвно ждала.

Наконец Роб замолчал, вцепился руками в брюки Джексона и так, цепляясь за них, поднялся.

– Повесьте ее.

Отвернулся и ушел в палатку.

Утро он встретил под балкой, равнодушно глядя на расцарапанные ноги, двумя тонкими ветками качавшиеся под окровавленным подолом. Солнце вставало между ними.

– Босс, – Роб оглянулся на Ассегая Смита, тот показывал за плечо на трофеи, – забираем бочки и валим?

– До полудня, чтоб и следа здесь не осталось.

– А что с заводом? – Он помедлил. – С людишками?

– Сжечь.

Роб отвернулся. Ветер раскачивал ноги.

Показалось. Не может быть, чтобы это когда-то принадлежало живому человеку. Бред.

В груди разлилась теплота.

«Бетти, малышка, ты ждешь меня дома. Милая доченька, как я соскучился».

* * *

Из огромной дыры в черепе Джека шел пар. Падая, Мормо свернулся в спираль, тугую пружину, подобрал под себя длинные суставчатые колени, и теперь неясно было, где начинаются ноги, откуда они растут и где заканчиваются у этого человеческого богомола. Рухлядь его останков вздрогнула, из груди вырвался хриплый лай, вслед ему нефтяным гейзером ударила густая черная кровь. Джек Мормо, непобедимый колдун, чудовище и палач бился в конвульсиях перед одноруким неудачником Робом Стуммфилдом. Стоило потерять все, чтобы теперь вот так торжествовать над телом поверженного врага.

Роб устал держать револьвер, пальцы разжались. «Уокер» вывалился ему под ноги, отколол кусок соли, и вслед звуку его падения стал слышен ритмичный шорох. Т-т-т. Откуда этот звук? Робу показалось, что силуэт бомбы слегка изменился. Она накренилась. Роб сделал к ней шаг. Бомба производила колоссальное впечатление. Памятник довоенной эпохи. Настоящий ржавый идол прежнего мира. Нога Роба погрузилась в соль. У него на глазах зеркало поверхности начало оплывать, таять. Роб приблизился к бомбе. Мормо шумно

Пихаю взглядом его в спину, как шар в бильярде, бью со всей дури, но он рикошетит от борта, человечиска поганый, ни колес, ни воли, куртка на спине разошлась будто от моего толчка. В упор уставились зрачки от моих выстрелов. Ах, как бы я хотел их заштопать! «Ты надеешься, что он сумеет проползти хотя бы миллю?!» – говорят дыры. Ударная волна выдавит все прыщи в радиусе десятка миль. Прощайте, дети. Не стоило жрать немытыми руками. Не будьте такими занудами. Я верю в этого неумеху. Я уперся ногами и держу бомбу на поводке. Сука. Сука. Да сдай же ты назад!

Но ты еле перебираешь ногами. Какой ты медленный!

Зубы трещат. Время, ты – мразь, дай мне час, я кормил тобой бомбу восемьдесят лет, стяни удавку с шеи, дай воздуха. АAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA! Отчего так скверно пахнет сиренью?!

Тиии! – сверлишь мне уши визгом. Я слышу! Чувствуешь, падаль, слабинку. Сирень. Я вдохну тебя. Ты дашь мне еще миг силы. Ненавижу такой запах.

Его спина никак не исчезнет в дрожащем солью мареве, да что с ней, нарисована, что ли? Это холст с очагом, за которым золотой, мать его, город. Ты будешь убегать?! Иди к черту, ты стоишь только благодаря ей. Пока спина держит марку, понтуется передо мной, восстает на двух ногах против папиросных небес, идет, как самостоятельный, отдельный человек, я глушу себя извинениями.

Мама, сестрички. Родные мои бурдюки расстрелянной плоти. Мальчик славно согрешил с вами. Такой уважительный калибр. Такая меткость. Вы почти расползлись в слизь. Время казнило вас. Пришлось сметать на живую. Восемьдесят лет я приводил к вам дышащее еще мясо. Я кроил, как умею. Курсов тогда не было. Помню, мама, ты ходила учиться кройке. Но меня не учила. А я просил! Впрочем, моя судьба – шитье. Девочки умоляли, но я зашил уши, кровь слишком больно текла, ваши крики, такие искренние, но надо было вас чинить. Особенно лет через тридцать. Вы вообще пришли в негодность. Вы вообще умирали. А так, сменяв плоть на плоть, перелицевав... Да вы просто трусихи! Вы и сейчас орете. Мертвые! Вы недовольны. Вы никогда меня не любили. Вам казалось, что вы лучше меня. Папашу и того вы любили больше. А я вас чинил.

Тик! – подкралось. Задумался и выпустил. Вот так утекло меж пальцев.
Бежиииииииит!

Наматывай, наматывай меня на винт! Черным пузырится изо рта, но ничего, не нефть, не подпалишь. Сбегу! Бравада всегда помогала подняться, даже когда ты снес мне полмакушки. Мысли, чугунные кольца, по рукам сковали, бегу, бегу. А ты и не бомба вовсе. Не на тебе писали «Малышка», ты грыжа, ты раковый комок, который я натравил на папашу, я вырвал тебя, и пилоту стало легче. Его казнили, небось до войны с этим было строго. К стенке – и мозги враз по бетону. Вот и я теперь размазан тобой здесь, вместо стены – стол, солью заполирован. Соль. В костях у меня. В крови у меня. Вместо меня.

Но как бы я себя ни занимал, как ни отвлекал, ни путал следы-мысли, бомба у меня на хвосте, а ты все еще бредешь. И никак тебе не вырваться из зоны поражения. Ирод, чего ж ты медленный такой?!

Тик! – сердце подскакивает на подтяжках и наносит мне прямой в челюсть. Голова запрокидывается, слюна-смола фонтаном в небо и оставляет там следы. Тик! – бомба вздрагивает, встряхивается, как пес, вылезший из лужи, ее тень лупит меня по щекам, платок рассекает щеку, мстишь, плесень?

«Зингер», верная моя сука, тычется в ладонь. Скольких я перепорол-отштопал с твоей помощью? Древнее тебя нет в радиусе тысячи миль. Ты брошена. Отчего ты тонешь в сопливой жиже?

Мы погружаемся. Ты и я. Озеро треснуло, вода на марше, корка расходится кругами, мы идем ко дну, но бомба тонет тоже.

Я бы сейчас закурил. Но рот не помнит, как это. Легкие дышат наружу через три двухдюймовые пробоины. Пальцами скребу рассыпанные иглы, они не друзья, отворачиваются, уходят под воду. В пробоины хлещет вода, больная от соли. Тень бомбы становится все выше. Нависает надо мной. Она уже не стоит, кренится, замирает покосившимся надгробием. Над самым лицом платок. Обвис. Капитулирует, мразь. «Я тебя убью! – кричу, надрываясь, молчу. – Я тебе...» «Тик», – шепчет она, лаская по щеке платком. «Ты ушел?!» – рыдаю, захлебываюсь соляной грязью, еле отрываю голову от поверхности, успеваю, гляжу на фигурку с булавочную головку, она наконец-то перевалила гребень холма и обернулась на нас.

Тик!

С этим звуком я вырываю сердце из груди и швыряю его, как гранату, расплескиваю о стальную тюрьму, из нее толпой по лучам бегут зэки, ярость замыкает критическую массу, бомба льнет ко мне, тем более нет никого ей ближе. И кто-то должен дать старт. Тик-тик-тик – беснуясь, разрывая обертки, толкая мгновения за щеку, вбивая локти и колени в животы соседям, отрезая хвосты рыбакам, забивая костыль в рельсу, торопимся, и застывшая в секундах от ядерной полуночи картинка сдвигается, я поднимаю руку и сдираю с нее проклятую красную тряпку, швыряю ветру в лицо, а тот радостно хохочет и натягивает ее на горизонт, соль испаряется, плоские десять секунд она творит с воздухом, материей и мной такое, что в корчахдохнут вороны и тараканы, радиацию они с легкостью перетерпят, но той нужен разгон, она стартует с низкой и разносит атмосферу, триста тысяч кубометров воды, дно, чашу, в которой покоилось озеро, берег. И меня.

Мой последний вздох пахнет сиренью.

Полночь.

* * *

Что-то стряслось за его плечом.

Мир сдвинулся.

Все чувства Роба, слух, обоняние и даже сигналы волосков на коже утекли назад, точно сорванные порывом ветра.

Там, за его спиной, творилась история.

Роб не выдержал и оглянулся.

В восстающем со дна вскипевшего озера грибе он узнал лицо Бетти.

«Ну, слава богу! – Он улыбнулся. – Не придется терпеть это в одиночку».

И пошел дальше, с трудом выдирая и ставя ноги во все густеющем, зарастающем солью времени.

Он сделал еще восемь шагов, пока его не догнала взрывная волна.

II. Судьба мальчишки

1. В дни поражений и побед

Когда-то мой отец воевал с чиканос, был ранен, бежал из плена, потом в погонах лейтенанта роты взрывников спрыгнул с войны. Видал у него фото первой жены, она утонула, моясь в Миссисипи накануне генерального сражения за брод, ее накрыло внезапным налетом бомберов. Река встала дыбом на сто футов. От большого горя отец сорвал погоны, а присягу и слово свое растоптал. Лег у железной дороги, голову на рельсах устроил и решил подохнуть. Мимо быстрее товарного скорого шла мать, она и подобрала горемыку. Так прижили нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vrochek_shimun/zolotaya-pulya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)